

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

КРОВАВАЯ СВАДЬБА

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

ТАМ, ГДЕ
НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

Лариса Соболева

Кровавая свадьба

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6889938

Кровавая свадьба : [роман] / Лариса Соболева: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-085174-4

Аннотация

Свадьба пышная, с истинным размахом – два магната-мафиози женят детей. Все бы ничего, да Железный Феликс и главный мент города Ступин являются заклятыми врагами, потому-то гости и наблюдают украдкой за действующими лицами в этой комедии... или трагедии. Внешне все пристойно, однако!..

Книга также выходила под названием «Снежный король».

Содержание

1	5
2	20
3	42
4	60
5	65
6	73
7	86
8	94
9	104
10	114
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Лариса Соболева

Кровавая свадьба

© Соболева Л.

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

1

Это произойдет сегодня. Легкое нажатие на курок, одновременно послышится глухое «пах», рука вздрогнет от толчка... Отдача будет минимальная, пистолет супер, но все же толчок неизбежен. Оружие следует держать, выпрямив локоть, упираясь в сустав плеча и в позвоночник, тогда пуля полетит прямо в цель. Крошечная и легкая пуля... Она ощутима, когда лежит на раскрытой ладони и ее слегка подбрасываешь, но в сжатом кулаке веса не чувствуется, будто там нет ничего. Решимость непоколебима. Она холодна, как сталь в руке, возвращенная мечтами и тренировками, когда пули летели в мишень, заменяющую человека, человека бесполого, абстрактного. Выстрелить предстоит в конкретного и живого...

– Меня тошнит от тебя, – сказала невеста тихо, положив на плечи жениха руки в длинных перчатках.

– Стерпится – слюбится, – отозвался он, беря ее за стан, обтянутый кружевным платьем.

– Горько! Горько! – дружно скандировали гости за П-образным столом самого большого ресторана в городе.

Жених привлек невесту и развернул ее таким образом, что пышная фата закрыла его полностью, а гости вынуждены были смотреть на спину новобрачной. Молодые не цело-

вались. Она закатила глаза к потолку, демонстрируя жениху, как ей это все надоело, он терпеливо сносил ее выпады.

– Не видно! – выкрикнули из зала.

– К нам разверни! – поддержал бас на другом конце стола.

– Хотим видеть ваши губки, – дополнил их писклявый голос рыхлой и пошлой бабенки.

– Горько! Горько! – заорали гости на пределе голосовых связок.

– Да когда ж это кончится? – процедила невеста сквозь зубы.

– Никогда, – спокойно ответил жених.

Она презрительно фыркнула и повернулась к залу с кислой улыбкой на лице. Гости не унимались, они жаждали насладиться смущением юной невесты, которая капризно закусил губу и сердито сдвинула бровки, а в женихе желали видеть мужскую настойчивость и силу собственника по отношению к девочке-жене. Но он их все больше разочаровывал, не загребал невесту в объятия, не прижимал крепко и не целовал жарко. Сплошное недоразумение, а не жених.

– Горько! Горько! – сотрясались от криков стены.

Вдруг шум стих, как по знаку дирижерской палочки. Держа в руках рюмку, поднялся с места солидный мужчина, барским взором окинул присутствующих, задержал его на молодоженах...

Это был отец невесты, самый богатый человек города, самый влиятельный, самый могущественный, самый... про-

должать необязательно, понятно и так, что он сумел подмять под себя весь город и стать некоронованным королем. Давным-давно он едва не угодил за решетку из-за кое-каких махинаций, а был уже тогда лицом должностным и ответственным, спасла его счастливая звезда, упавшая на державу в виде перемен. «Не приведи боже жить во времена перемен», – гласит, кажется, китайская мудрость. Смотря для кого! Отец невесты, Феликс Георгиевич, прозванный в городе Железным Феликсом, любил повторять другую мысль, возведенную в ранг мудрости: «Есть только миг, за него и держись!» На его счастье миг затянулся на годы, и конца ему пока не было видно, а перемены, которые так не любят китайцы, принесли Феликсу баснословные деньги и... власть. Так-то!

Железного Феликса простые люди называют мафиози. Это не совсем верно. У нас выработался стереотип мафиози и его окружения – жуткого вида головорезов с бесстрастными рожами убийц и автоматическими пушками за поясом. Нет, нет и нет. Феликс в данное прокрустово ложе не вписывается. Его быки (их почему-то называют телохранителями) выполняют разную работу. До чего же народ любит преувеличивать! Так вот, быки Феликса не устраивают разборки с взрывами на дорогах и прочей атрибутикой войн бандитских формирований, никому не угрожают, не убивают из-за угла противников. Железный Феликс потому и железный, что умеет договориться, убедить, подчинить себе врага без лишнего шума. Да и вообще он довольно добродушный, урав-

новешенный человек, любит порядок. Потому-то в данном провинциальном городке и спокойно, никто даже языком не треплет, разве что какой пенсионер размахивает кулаками в общественном транспорте, ну и хрен с ним... пардон, Феликс таких слов не употребляет.

Когда он встал – а на свадьбе любимой дочери собрался весь цвет города, первые люди, – зал уважительно... заткнулся. По-другому и не скажешь. Приятно. Приятно сознавать свою значимость, Железный Феликс любил поклонение, лесть. Он выдержал долгую паузу, слушая дыхание зала, который ждал, что же скажет король. Слегка располневший, вдовствующий и не желающий вторично связывать себя брачными узами к глубокому прискорбию львиц города, внешне он был очень даже хорош. Седая борода, голубая проседь в черных волосах и глаза оленя просто очаровывали женщин, особенно молодых и красивых, которых часто видят в его автомобилях, причем редко одно и то же личико показывается в окошке дважды. Феликс еще раз обвел взглядом зал, поднял рюмку и тихо, но внушительно сказал:

– Горько.

Жених с невестой поняли: это приказ угодить публике, придется целоваться. Снова руки невесты оказались на плечах жениха. Среди тишины раздался громкий совет:

– Ты взасос ее!

Ржание советчика подхватили за столами. М-да, выражение не соответствует уровню общества, рвущегося в ари-

стократы. Да где ж их взять-то, аристократические манеры? Желаемое – не действительное, принятые внутрь градусы снимают налет аристократизма, а за ним просматривается... лучше не вдаваться в подробности.

Жених посмотрел на отца невесты с немым вопросом. Феликс едва заметно кивнул, мол, выполняй требование, ибо известно: кто платит деньги, тот и музыку заказывает. Жених аккуратно отвел фату, взял невесту за шею и впился ей в губы тем самым поцелуем «взасос», которого потребовали гости. Раздались аплодисменты и громкие одобрительные выкрики. Через мгновение жених отпрянул, грубо оттолкнув суженую, но, спохватившись, виновато оглядел столы. Кажется, никто ничего не заметил...

Герман, старший брат невесты и точная копия Железного Феликса, только вместо бороды он предпочитал носить усы, одобрительно захлопал в ладоши у себя над головой, поддерживая аплодисменты гостей. Одновременно покосился на неподвижно сидевшую рядом подругу. Рита единственная не проявляла бурной радости, глядя на молодых, напротив, на лице ее застыла похоронная маска. Герман закинул руку на спинку стула подруги и процедил с улыбкой:

– Вывеску смени.

– Сменю, – холодно отозвалась Рита, даже не удостоив его взглядом, – когда ты научишься вести себя, как твой отец. И вообще, оставь меня в покое.

Всем уже было не до молодоженов. Гости, улицезрев положенный «сладкий» поцелуй, загалдели, ища чего бы еще съесть и выпить, а столы ломились от съестного и спиртного. Когда грянула музыка, публика ринулась беспорядочно прыгать по залу, дабы утрясти переполненную утробу. В следующее мгновение поменялась «вывеска» у Германа. Который раз Риту пригласил на танец один из компаньонов отца, директор совместного кипрского предприятия, где она работала референтом, а зачастую и переводчиком – двойная нагрузка за одну зарплату. Рита демонстративно, специально для Германа, обрадовалась, поднялась, подав руку начальнику, кстати, холостому. Герман успел ей шепнуть:

– Если он еще раз пригласит тебя, я его убью.

– В таком случае, дорогой, – произнесла она сквозь зубы, – я должна была убить тебя раз сто, не меньше. Воскрешать и убивать, воскрешать и убивать. И не из-за танцев!

Герман импульсивно сжал вилку в кулаке и свел челюсти, затем достал сигарету, мял ее, решая – курить или не курить. Иногда воровато выискивал взглядом в толпе Риту, хмурился, оглядывался по сторонам.

Тем временем жених тер ступню, косясь на повеселевшую невесту. Во время поцелуя она стала ему на ногу, перенеся вес тела на тонкую шпильку. Больно.

– Ты полегче, – предупредил он.

Но она лишь потянулась за бутербродом с черной икрой,

глядя со скукой на пустившихся в пляс гостей. Народу много. Тесновато. Плюс оркестр, в перерывах между танцами еще девочки из ансамблей местной самодеятельности, два юмориста-тамады, руководившие торжеством... Душно. Даже кондиционеры не спасают. Да и день выдался утомительный. В течение целых трех часов молодые обходили гостей, поднося им выпить на подносе. Сваха при этом громко объявляла:

– У нашего жениха и невесты есть родственник... друг... знакомый... – и так далее.

Молодые кланялись в пояс, подавали гостю желаемый напиток, а тот взамен вместе с личным поздравлением оповещал о подарке. Остальные томились за столами. В некоторых уголках страны свято соблюдают традиции, в особенности они оказываются к месту, когда хозяин торжества может воочию убедиться в щедрости приглашенного. А если учесть соревнование меж гостей (нельзя же преподнести подарок хуже, чем другие), можно представить, во что обошлась свадьба не только Феликсу. Правда, разослав приглашения, он несколько дней спустя лично обзвонил будущих гостей и без обиняков назвал, какой желателен подарок. Польза от этого была обоюдная. Во-первых, сохраняется масса времени, приглашенным не надо рыскать по магазинам в поисках чего-то особенного. Разумеется, Железный Феликс хорошо знал толщину кошелька каждого приглашенного, поэтому лишнего не запрашивал. Во-вторых, таким образом

исключаются двойные подарки, которые потом надо куда-то пристраивать.

– Как будем барахло делить при разводе? – спросила невеста жениха во время церемонии дарения.

Тот тогда не ответил, только пожал плечами. Теперь же, после принудительного поцелуя, она, слизывая икру с тонкого кусочка хлеба, обрадованно воскликнула:

– Знаю!

– Что ты знаешь? – насторожился он, подозревая, что на ум его невесте пришла очередная гадость.

– Знаю, как делить будем. Распилим каждую вещь.

Ей очень хотелось досадить этому типу, вывести его из себя. Делала она это по-детски, а потому цели не добилась. Снисходительно усмехнувшись, глядя на горку из кусочков хлеба перед ней на тарелке, жених взял сигарету и отправился курить на воздух, оставив вторую половину придумывать новые, более эффективные пакости.

– Шампанского? – Герман поднес бутылку к бокалу Риты.

– Нет, – сухо ответила она, явно не желая с ним разговаривать.

– М-да... – вздохнул он, помрачнев. – Ты сегодня не в духе. Чем недовольна?

– Всем.

– Рита, можно тебя пригласить? – сзади, опершись о ее стул, склонился Андрей, но вдруг спохватился, спросил у

Германа, однако с вызовом: – Ты не против?

– Пожалуйста, – великодушно разрешил тот, многозначительно усмехнувшись.

Усмешка не понравилась ни Андрею, ни Рите, было в ней нечто презрительно-оскорбительное. Пока Рита торопливо выходила из-за стола, будто убегала, Андрей успел метнуть выразительный и недружелюбный взгляд в Германа. Тот нарочито зевнул и показал затылок, дескать, плюю я на твои выпады. Все произошло очень быстро, немой пикировки Рита не заметила, смешалась с Андреем в танцующей толпе. Герман, выпив рюмку, погрузился в собственные мысли, а ему было о чем подумать.

Сидевшие напротив, немного наискосок, две молодые женщины за ними наблюдали. Одна из них была редкой, что называется – ослепительной красоты. Смоляные волосы до плеч окружали лицо с крупными чертами, но в таком гармоничном сочетании, что дух захватывало. Фиалковый цвет глаз подчеркивало нежно-сиреневое платье, обтягивающее великолепные формы, само собой, туфли были в тон платью. У мужчин она вызывала восторг, у женщин – злую зависть. Ее соседка ничем из общей массы не выделялась, так, миловидная шатеночка. Они-то как раз немую сцену между Андреем и Германом заметили.

– Белла, – обратилась соседка к красавице, исподволь указывая на Германа, – ты не знаешь, что он нашел в этой

Фроське?

– В Рите? – томно повернулась к ней Белла. Она вообще вся целиком состояла из неги и томности: злые языки утверждали, что Белла постоянно находится в стартовой готовности к сексу. – И не только Герман, Зочка, Андрюша тоже.

– Ну что в ней такого притягательного? – сокрушалась Зоя. – Герман и Андрей готовы разорвать друг друга на клочки. Ты посмотри на нее внимательно, корчит из себя, по меньшей мере, герцогиню, а сама не что иное, как мыльный пузырь, дунешь – и нет ничего. Чем она мужиков берет? Преснятиной с кислятиной?

– Не знаю, – пожала плечами Белла. – Фигурка у нее неплохая, Рита мила, горда. Может, она в постели само совершенство.

– Ой, перестань! – поморщилась Зоя, а через минуту придвинулась ближе, тон ее стал заговорщицким. – Слушай, Белла... а слабо тебе отбить у нее Германа?

– Запросто, – самоуверенно заявила красавица. – Только зачем? Он, говорят, неуравновешенный, избалованный и циник. С такими всегда море проблем. Им нужна нянька, совмещающая обязанности жены и любовницы, но без претензий на узы брака. А я привыкла к другим отношениям – чтобы меня обожали и на руках носили.

– Зато он красив, собака, а главное – богатый, сволочь.

– Милая моя, в нашем населенном пункте настоящих богачей нет и быть не может. И потом, деньги, насколько мне

известно, принадлежат его отцу.

– Это одно и то же.

– Не скажи. Герману перепадают жалкие крохи, которые ему кидает отец, стало быть, наш завидный жених всего-то наймит. Ему ведь около тридцати?

– Тридцать, – подтвердила Зоя.

– О! В его годы люди нынче сами делают состояния, а не живут под эгидой папочки.

– Но после, хм... Феликса все достанется ему. Светке мало что перепадет, из нее бизнесменша, как из меня королева Англии.

– И когда ж настанет сей благословенный день? Лет через двадцать? Тридцать? Нет, меня такая перспектива не устраивает. Мне нужно все сейчас, а не в далеком будущем.

– Ты просто ищешь отговорки. Сдрейфила? – подзуживала ее Зоя.

– Кто? Я?! – И Белла рассмеялась в голос, а потом подалась немного вперед и обратилась к молодому и важному человеку, сидевшему напротив. – Феденька, ты не хочешь меня пригласить потанцевать?

– Жажду! – воскликнул тот, подскакивая.

Торопливо дожевывая, он увлек совершенство под именем Белла на середину танцевальной площадки, где Андрей все ближе притягивал к себе Риту, которая старалась держать его на расстоянии, упираясь руками в грудь. Иногда, словно невзначай, он касался губами ее лба, виска, волос.

Рита упорно делала вид, что не замечает настойчивых попыток обольщения.

Как и Герман, Андрей неровно дышит к ней, но с той лишь разницей, что первый имеет доступ к телу, а второй нет. А Андрею хотелось бы. Честно сказать, его самолюбие страдало, быть отвергнутым – штука неприятная. Тем более что по всем внешним характеристикам он не уступает Герману, даже превосходит его. Высокий, стройный блондин с темно-серыми глазами. Ко всем внешним плюсам у него более покладистый характер, он не буйн, не бабник(!), имеет собственный бизнес. Да он – несбыточная мечта для любой! Однако Рита сторонится его! «Вот какого черта ей надо?!» – не раз спрашивал себя Андрей.

– Ты придавил меня, – прервала ход его мыслей Рита.

Придавил! Так она назвала жаркие объятия, которые он позволил себе во время танца. Тем не менее он не обиделся, а ослабил тиски:

– Извини, я забылся... Ты сегодня не в настроении?

– Угадал.

– Понятно. Трудно быть в настроении рядом с Германом. Знаешь, меня поражает твое терпение. Прости, я, кажется, лезу не в свои дела.

– Говори, говори, не смущайся.

– Не хочу высказывать неприятные вещи.

– Ладно, я выскажу их вместо тебя. Я – дура, идиотка, кретинка, так? – вызывающе начала Рита.

– Ну... где-то близко, – улыбнулся Андрей, как улыбаются, глядя на подростков-максималистов.

– Мне давно пора послать Германа на три буквы, так? Я стала посмешищем и не внушаю уважения, ведь нельзя уважать человека, терпящего унижения, да? И причина всему, думаете вы...

– Стоп. Кто – мы?

– Ты и эти все. – Рита подбородком обвела зал. – Прокисшие сливки общества. Так вот, вы думаете, что причина в деньгах...

– Не угадала, – перебил ее Андрей, все так же снисходительно улыбаясь. – Ты просто боишься перемен. Привыкла к Герману, как большинство жен привыкает к мужьям-тиранам, и что-то изменить в жизни для тебя подобно катастрофе. Нет, дело не в деньгах. А кто так думает, тот полный болван. Ты всего-навсего трусиха, и выход у тебя один, если хочешь избавиться от свинства Германа.

– Вот как! И какой же выход?

– Выходи за меня замуж.

– Ты серьезно? – Она недоверчиво вскинула вверх брови и отклонилась назад, чтобы лучше рассмотреть Андрея. – Заманчивое предложение. Главное, вовремя.

– Ты готова дать положительный ответ?

– Конечно, нет. Видишь ли... – она слегка замялась. – Ты уже был женат и знаешь все бабские слабости. В моем положении старой девы... то есть, разумеется, я не дева, но заму-

жем не была, хотя мне уже двадцать восемь лет. В общем, у меня... как бы это сказать... комплекс неполноценности. Да, именно так. Я запрограммирована на подвох, обман...

– И какой же подвох ты видишь в предложении выйти замуж?

– Ну, не знаю. Сейчас возник большой шум в связи с грязной историей, касающейся Германа. Я тоже вроде к этому причастна, то есть... не причастна, но... вроде как в обиженных состою. Естественно, я злюсь на него. А ты подгадал удобный момент. С одной стороны, я не стала с тобой спать, с другой – ты и Герман на ножах, таким образом, ты решил разом получить все: досадить Герману и удовлетворить свое самолюбие. Вот в чем подвох.

– Ничего себе виражи! Даже логика есть. Не скрою, я хочу оказаться с тобой под одним одеялом. А что в этом плохого? Я предложил тебе стать женой, а не любовницей. Ты же меня обвинила черт знает в чем! А что сама собираешься делать? Всю жизнь слыть пассией Германа, и только? Я бы мог понять твое самопожертвование, если бы ты была у него единственная, но ведь это не так! И тебя устраивает положение наложницы из гарема? Тогда ты достойна тех слов, которые произнесла от моего имени: ты дура и так далее. Возможно, я поступаю не по-мужски, но я действительно уязвлен...

– Андрей... ты слишком громко говоришь, на нас смотрят.

– Тебя волнует, что будут говорить о нас? Ты удивляешь

меня. А почему тебя не волнуют пересуды о вас с Германом? Меня ты отвергаешь, а его принимаешь со всем дерьмом. Почему?

– Тебе знакомо такое понятие: люблю – не люблю?

– Ах, вон оно что! «Чем меньше женщину мы любим...»

Понятно. Значит, ты мне отказываешь?

– Нет... я подумаю... Не обижайся.

– Соглашайся, и твои «понятия» предстанут совершенно в другом ракурсе. Надо и о себе думать.

Закончился танец. Андрей проводил ее на место, напомнив:

– Мое предложение остается в силе, я жду.

– О чем это он? – спросил Герман, провожая его равнодушным взглядом.

– Он предложил мне выйти за него замуж. Я согласилась подумать.

– Да? Ну-ну... Я пошел курить.

И черт его знает, что означало это «ну-ну»! Слезы обиды наполнили глаза. Рита достала зеркало и принялась мастерски изображать, будто в глаз попала соринка. За этим занятием она пришла к неутешительному выводу, что Андрей прав: Герман скотина.

– Я выйду за Андрея, – сказала самой себе Рита.

2

– Светка!.. – вдруг услышала невеста за спиной тихий голос.

Она вздрогнула, словно ее испугали, впрочем, Света испугалась на самом деле, сердце бешено заколотилось, а щеки мигом стали алыми.

– Егорка, ты с ума сошел!

Оглянувшись на Егора, она не смогла скрыть восхищения. В свои восемнадцать Света не успела научиться лицемерить, на хорошеньком личике запросто читались мысли и чувства. Улыбнувшись впервые за последние несколько дней, она спросила:

– Как ты пробрался сюда?

– А чего тут пробираться? – Егор присел перед ней на корточки, скрывшись от гостей за накрытым столом. – Все упились, туда-сюда ходят... народу много, разве ж всех упомнишь? Я и костюм для этого случая надел, чтоб не отличаться.

– Егорка... Егор... – шептала Света, держа юношу за руки, и все тридцать семь веснушек смеялись от счастья на ее носу.

Веснушки... они так не нравятся Светлане, но от них в восторге Егор. Света насчитала всего тридцать штук, а Егор тридцать семь... Но вот оба погрустнели...

В эту минуту Андрей подсел к матери. Она была директором школы, что наложило отпечаток на весь ее облик: замордованная училка вкупе с суровым надсмотрщиком. Кира Викторовна восседала за столом с прямой спиной и неприступным видом, ее зоркое око было направлено на кого-то конкретно. Если кто из многочисленных гостей оказывал ей на расстоянии знак внимания – ручкой махал, к примеру, – она мгновенно надевала на лицо приветливую улыбку, затем так же быстро снимала ее. Андрей проследил за взглядом матери и понял, кто так заморозил ее: белокурая девушка с волосами до пояса и чудными искрящимися глазами, она светилась счастьем, красотой, молодостью.

– Кто это? – спросил Андрей.

– Моя бывшая ученица, – угрюмо проворчала Кира Викторовна, не сводя с жертвы убийственных глаз. – Талантливая девочка. Медалистка. С красным дипломом институт окончила. Познакомить?

– Я сам в состоянии. Где отец, ма?

– Хм... Задницу лижет Феликсу. Уже, наверное, мозоли выросли на языке.

– Мама! – укоризненно покачал головой Андрей. – Не надоело тебе? Не заводись.

– Не учи меня жить. Ты вообще... Вон какую невесту упустил.

– Светку? – покривился Андрей. – Да какая из нее неве-

ста, тем более жена?

– Ты весь в отца, ничего не понимаешь и без посторонней помощи ты ноль. Феликс и твой отец в равных условиях были, так вот Феликс смог кое-чего добиться в жизни, а папа наш у него на побегушках. Ума у нашего дурака не хватило. Сейчас бы он мог быть первым. Если б не этот тип, твой отец на многое не решился бы. Феликс вконец испортил его, Петя был другим.

– Ма! За что ты Феликса ненавидишь? Имей совесть...

– Иди ты со своей совестью, знаешь куда? – В зрачках матери сверкнула ненависть.

– И куда?

– К папе!

Ничего не оставалось делать. Мать ненавидела не только Феликса, но и мужа, ребятню в школе, их родителей, даже (иногда так казалось) собственных детей. По ее мнению, все были какие-то несостоятельные, безнравственные и безответственные. Андрей пошел слоняться по ресторану, разговаривал со знакомыми, изредка танцевал. Нет-нет да и задерживал взгляд на одинокой фигуре Риты. Она возила вилкой по тарелке, сосредоточенно думала. «Думай, Рита, думай, – усмехнулся он про себя. – Тебе есть о чем подумать». От нечего делать он вышел покурить, а там... отродье Феликса в лице Германа. Андрей сбегал по ступеням, не желая находиться с ним на одном пяточке, закурил.

– Слушай, Андрей... – спускаясь к нему, сказал Герман. –

Кончай к Рите приставать.

– Кончают, знаешь, когда? – грубо парировал Андрей. – Мне это дело нравится, и я не прочь...

– К Рите не лезь, понял? Будешь надоедать...

– Кому? Рите? – сделал наивное лицо Андрей.

– Мне! – закипел Герман. – Мне, Андрюша. Не прекратишь, я тебя с твоим собственным дерьмом смешаю.

– А, понятно. Ты теперь всех хочешь с дерьмом смешать, сам-то в нем давно.

Андрей швырнул только что начатую сигарету и ушел в ресторан. Его чуть не сбил с ног жених, который подбежал к Герману и начал что-то быстро и возмущенно говорить...

– Есть хочешь? – спохватилась Света.

– Может, мне еще и выпить за здоровье твоего мужа? – сердито спросил Егор и сел на место жениха, отвернувшись от нее.

Она тяжело вздохнула, чуть-чуть не расплакалась. Ух, она покажет этому... мужу! Она ему устроит! Тронув Егора за рукав пиджака, жалобно позвала:

– Егор...

Он оглянулся. Веснушки уже не смеялись... Егор жестко сказал:

– Я за тобой. Выйти можно через черный ход, я проверил. Идем.

Он смотрел строго и решительно, наверное, так могут

смотреть только в двадцать лет. В первый момент ему показалось, что Света готова сорваться и бежать с ним без оглядки... Но она опустила голову и плаксиво выговорила:

– Не могу.

– Что значит «не могу»? – возмутился Егор и был абсолютно прав. – Что за идиотская покорность? Ты, случайно, не мусульманка?

– Егорушка... ты ведь ничего не знаешь...

– И знать не хочу. Тоже мне, рабыня Изаура!

– Тише, на нас смотрят.

– Плевать я хотел... Последний раз спрашиваю: идешь со мной или нет? Учти, не уйдешь сейчас...

– Егорушка, миленький, – затараторила Света, – подожди немножко, совсем чуточку подожди. Я от них скоро освобожусь, и тогда...

– От кого это ты мечтаешь освободиться?

Они были так увлечены спором, что не заметили подошедших Германа и жениха Марата Ступина. Впрочем, Марат уже несколько часов находился в звании мужа. Герман, задавший вопрос, смотрел на парочку насмешливо. Егор отметил, что внешне он здорово похож на отца, Света же пошла в мать – беленькая, маленькая. Идеально подстриженный, в превосходно сидевшем костюме Герман производил впечатление человека крутого, как сейчас говорят, а темные глаза брата Светланы были всегда колючие и придавали лицу холодность.

Егор медленно поднялся. Не удался план! Сжав кулаки, он переводил взгляд с одного на другого, приготовился дать отпор даже физический, хотя понимал всю безнадежность ситуации. Марат, казалось, никак не реагирует на нахала, возмечтавшего увести его жену, а Герман скорчил недовольную мину: такие егоры создают нежелательные проблемы.

– Ну что, парень, хребет тебе переломать? – спросил совершенно без угрозы Герман.

– Герка, попробуй только тронуть его! Я такое тут устрою, такое...

В словах Светы, напротив, угроза прозвучала ощутимая. И выполнить обещание она может. Последние события показали, что Светочка имеет строптивый нрав и упряма до чертиков.

– В чем дело, молодые люди?

Ну вот и отец собственной королевской персоной. А сзади себя Егор почуял пресловутым биополем, а попросту – шкуррой, не менее двух жлобов, готовых в узел завязать незваного гостя.

– Да вот, – по-иезуитски улыбнулся отцу Герман, – собрался парниша нашу Светку выкрасть прямо со свадьбы. Романтика зудит в заднице, паря?

«Парниша» с силой сжимал кулаки, ибо зудели как раз они, хотелось врезать в сытую рожу братцу Светки. Железный Феликс с укором взглянул из-под нахмуренных бровей на непокорную дочь, а у той панический страх перемешался

с мольбой:

– Папа... я... отпусти его, папа...

– Не шуми, мальчик, – сказал Феликс Егору. – Не стоит портить вечер порядочным людям. Иди за мной.

– Папа, если ты его... я... я не знаю, что выкину! – Она загородила собой юношу.

– Брось, Светка, – презрительно глядя на ее отца, Егор мягко отстранил девушку. – Ничего они мне не сделают. Ну, зуб выбьют, это фигня.

– Вам, молодой человек, никто не собирается выбивать зубы, – добродушно улыбнулся Железный Феликс.

Егор подошел к нему вплотную, вызывающе бросил:

– Я вас не боюсь. Понятно? Не боюсь! Тоже мне, коза ностра!

– Отец, может, парнишку в угол поставить? Или по попе надавать? – предложил Герман. – Гляди-ка, Ромео и Джульетта!

Железного Феликса забавляла самоотверженность юноши, влюбленного в его дочь. Надо же, еще такое случается! Чувства мальчика и девочки ему были не понятны, но он питал к ним уважение, в конце концов, он не зверь и в данный момент глядел на Егора... с любовью. Он просто не мог не любить человека, который любит его дочь, ведь Феликс ради нее готов... А, что говорить! Он поспешил к выходу, так как дети могли заметить слабинку: на глаза Железного Феликса навернулись слезы умиления. Молчаливый упрек в сторо-

ну Светы – и Егор последовал за ее отцом. Она попыталась остановить папу, догнала его, но Феликс не дал ей и слова сказать:

– А ты потанцуй с мужем. Твоему парню ничего не грозит, поверь. Он уйдет целым и невредимым. Да что вы из всего трагедию делаете? Успокойся, ласточка, иди.

Железный Феликс смерил дочь и Егора по-отечески нежным взглядом и глубоко вздохнул не то с завистью, не то с сожалением:

– Эх, дети, дети...

Когда группа мужчин во главе с тестем скрылась, Марат тронул Свету:

– Пойдем... танцевать...

– Да пошел ты!..

– На меня за что злишься, чудачка?

– Потому что ты козел.

– Да его твой брат заметил, я-то тут при чем?

– И он козел. Еще он скотина. Все вы...

Что с ним разговаривать! Света рванула к выходу. Вот только ей пройти сквозь толпу оказалось значительно сложнее. Всякий норовил оказать невесте внимание: приглашали на танец, отпускали сальные шуточки по поводу предстоящей брачной ночи, лезли целоваться... Ужас! Марат поторопился на помощь, теперь он принял на себя вал острот и пошлостей, прокладывая дорогу локтями.

– Понимаешь, мальчик, – говорил Феликс Егору перед рестораном, – обстоятельства так сложились... Если б не они, клянусь, отдал бы девочку тебе не задумываясь.

– Отдал бы... – усмехнулся Егор. – Она что, шкаф, чемодан, машина, что ее можно запросто отдать? Да нет, к машине вы относитесь наверняка бережней.

– Напрасно ты так думаешь, напрасно. Ступай, Егор... Обстоятельства...

И Феликс с прискорбием вздохнул. Разве он не желает счастья дочери? Боже упаси! К тому же он считает, что в восемнадцать лет выходить замуж рановато, но проклятые обстоятельства...

Света, очутившись на той же площадке, заметалась в поисках Егора. Его фигура маячила уже вдалеке.

– Егор! Подожди!

Хотела бежать за ним, но Герман успел схватить сестру за фату, которую парикмахер прикрепил намертво, можно подумать – гвоздями к голове прибил. Дернувшись, Света неловко упала на ступеньки, а Егор даже не оглянулся, не услышал. Герман зло поставил сестру на ноги и заломил ей руку за спину до боли.

– Светлана! – сказал с упреком Феликс. – Мы же договорились! Так нельзя.

Неожиданно появился сильно «загруженный» отец Марата, главный мент города Ступин. Он едва держал бочкообразное тело на коротеньких ногах, не без усилий различая

стоявших на площадке:

– Ма... Марат!.. Где мой сын?

– Я вот он, – шагнул к нему Марат.

– А, ты здесь... А где С... Сета? А, тоже здесь. И я здесь.

Поч-чему не в зале? Сеточка... цыпочка...

– Воздухом дышим, – сказал Феликс. – Идите, мы сейчас придем.

Последнюю фразу он адресовал матери Марата, выпорхнувшей из ресторана вслед за мужем. Нюх у нее как у породистой ищейки, а внешность – шеф-повара дешевой столовки. Скользя острым взглядом по лицам присутствующих, она быстро сообразила: что-то произошло. Если честно, ей эта свадьба была поперек горла. Так решили муж и сын. Маратик сказал, что любит эту... свистульку! А чего там любить? – недоумевала Галина Федоровна. На первом же знакомстве эта выдра нос от них воротила, даже от Маратика! Еще как следует не выросла, а туда же, высокомерие показывает. Вот соплячка! И сейчас, глядя на злющее лицо невестки, Галина Федоровна подумала: «Ох, намучается с ней Маратик... Было бы на что посмотреть! Ни кожи ни рожи, ни спереди ни сзади. Страшенькая! Что он в ней нашел? Ну что тут любить?»

– Мама, уведи отца, – попросил Марат.

Галина Федоровна развернула мужа и подтолкнула к дверям. Прежде чем исчезнуть в ресторане, она выразительно посмотрела на сына, мол, я тебя, дурака, предупреждала, не

успел жениться, а уже разборки семейные пошли, за версту ведь видно! Феликс, указав пальцем на дочь, махнул рукой, дескать, за мной иди. Приподняв край выпачканного платья, Света понуро пошла за ним.

* * *

Отец вошел в кабинет директора ресторана, отданный на сегодняшний день в распоряжение Железного Феликса – человека дела, а дела могут возникнуть и на свадьбе. Герман втолкнул туда сестру, а Марата остановил, перегородив собой дверной проем:

– Мы сами, по-семейному.

– Она же моя жена...

– Конечно. Но видишь ли, пока ты ее не вдохновляешь.

Мы постараемся внушить ей вдохновение.

Несколько секунд они неотрывно смотрели друг на друга, словно находились в ожидании, что каждый вот-вот выхватит пистолет и выстрелит не целясь. Ничего подобного не произошло. Герман хохотнул и нагло захлопнул дверь перед носом Марата. «Ну, дерьмо оно и есть дерьмо», – подумал жених. Марат в возбуждении прошелся туда-сюда, прислушался... вроде в кабинете тихо. Что ж, пусть разбираются сами со Светкой, договор надо выполнять. В свои двадцать шесть Марат жил без иллюзий, усвоив мудрость Железного Феликса: есть только миг. Ум у него практичный, себя трез-

во оценивает, как бы со стороны: внешность скромная, талантов нет, зато есть воля и выдержка. Если хочешь чего-то добиться в жизни, считает Марат, – добивайся, этим все сказано. Отдавая за него Свету, а выхода у Феликса не было, тот сказал будущему зятю:

– Запомни, моя дочь девочка изнеженная, я не потерплю, если ты будешь с ней плохо обращаться, каковы бы ни были обстоятельства. Ты сам ее выбрал, так что запасись терпением и обеспечь ей только одно: счастье. Иначе...

Ну, чего-чего, а терпения у Марата предостаточно. К избалованной кукле придется применять разнообразную тактику, и он в себе не сомневается. Повеселев, Марат вернулся в зал, выпил рюмку и стал наблюдать за гостями.

В кабинете Герман толкнул сестру:

– Ты что, мерзавка, делаешь?!

Она не устояла на ногах, повалилась на мягкие стулья с высокими спинками, которые разъехали по паркету, а Света очутилась на полу. Герман замахнулся, однако отец властно приказал:

– Оставь!

Пальцы Германа сделали в воздухе несколько хватательных движений и, сжавшись в кулак, опустились в карман брюк. Меж тем Света поднялась, злорадно бросила брату:

– Что, не получил индульгенцию на расправу, садист?

– Отец, она напрашивается!

– Ты сам напрашиваешься! – огрызнулась Света. – Я твою гнилую шкуру спасаю. Ты мне должен ноги мыть и воду пить...

– Молчать! – гаркнул Феликс. Этого было достаточно, чтобы детки прикусили языки. – Не смейте так говорить друг с другом. Вы родные брат и сестра...

– Плевала я на такого бра...

Звонкая пощечина не только обожгла щеку, но и в ушах зазвенела, заглушив остальные звуки, доносившиеся из зала. Отец не выдержал. Он ударил дочь первый раз в жизни! Света сначала остолбенела, затем из глаз ее полились потоки слез, полились сами собой, а стоило ей подумать и о своей несчастной доле, как она разрыдалась громко и жалобно, словно маленькая девочка. Феликсу до боли было жаль дочь, ведь любил он ее больше жизни. Да и Герману захотелось приласкать Светку, но он лишь отвернулся, чтобы не поддаться слабости. Он вовсе не собирался устраивать мелодраму из ее жизни, так получилось, Герман раскаивается, а толку-то...

Феликс подсел к дочери на соседний стул, обнял за голенькие плечики, сыну махнул, мол, уйди. Потоптавшись, тот вышел. Феликс ждал, когда дочь наплачется.

Года три назад у Феликса и отца Марата возник конфликт на почве мэрства. На трон мэра возжелал сесть зять Леонида Гавриловича Ступина, а Феликс толкал туда своего человека. Кто победил? Ответ однозначный: деньги, то есть Фе-

ликс. Леонид Гаврилович простить краха своих надежд не мог, потому строил козни. Самого Феликса взять за жабры не удавалось, а вот людей его он доставал, хватали их менты за любую провинность, заводили дела на пустом месте. Приходилось входить в траты, давать взятки через подставных лиц, таким образом прекращая дела, – Феликс умеет ценить верных людей. Неоднократно он шел на мировую с Леонидом Гавриловичем, но тот оказался на редкость злопамятным. Мало того, он распространял слухи, будто ему звонят и угрожают! Как-то раз в кабинете Феликса Ступин появился разгневанный и без элементарных приветствий набросился:

– Если что со мной или кем из моей семьи случится... я тебя... Козу приготовил, учти. Не наши разбираться станут, не откупишься. Я позаботился, запомни, отписал кому следует.

И ушел с видом победителя. Вот дурак! Феликс хохотал до слез. Ну что за глупость – угрозы? От кого? Не стал бы Феликс мараться, он не того пошиба. Что ж, привык, видно, Ступин с уголовниками дело иметь, вот и меряет всех на один аршин, ну и бог с ним. Однако бессмысленная гонка за людьми Феликса не прекращалась, что дало повод сочинять анекдоты про две враждующие стороны, где по очереди в нелепых ситуациях оказывался то один, то второй. Конечно, Леонид Гаврилович о существовании анекдотов не подозревал, иначе спустил бы шкуру с рассказчиков, а Феликс очень полюбил собирать байки, записывал в блокнот и весе-

лился, слушая их. Но беда подходит неожиданно, круто вял-пался Герман, да так глупо...

Деловая хватка у Германа была отцовская, но он жутко ленив, и страсть к женскому полу тоже у него отцовская. На бабе и попался. К огорчению Железного Феликса, сын до сих пор не женат. Внешне он хоть куда, кошелек набит, бабы сами в койку к нему прыгают. Есть у него постоянная девушка – Рита, очень даже симпатичная, умненькая, встречаются они давно, ну и женился бы... Так нет, не нагулялся! Последнее время ему понравилось из девушек делать женщин, специально выискивал цыпочек, и попалась одна... В ответственный момент у нее сердце прихватило, потом выяснилось, что у девушки было врожденное сердечное заболевание. Герман, конечно, не поверил, подумал, что она прикидывается. А она взяла да и померла прямо под ним, но Герман повел себя хуже некуда.

Испугавшись, он решил избавиться от мертвой девушки. Дело было поздней ночью. Одел ее, отнес в машину, пристегнул ремнем и покатил за город. Мало того, остановился у поста дорожно-транспортной милиции и попросил прикурить. Те, олухи, не обратили внимания на неподвижную женщину в машине. Герман сел за руль, поправил голову девушке, сказал пару слов, будто они разговаривают, помахал рукой ментам и поехал дальше. В ближайшем лесочке закопал труп и вернулся домой другой дорогой. Феликс считал, что действовал сын в состоянии аффекта, неосознанно.

Труп обнаружили через день. Конец апреля, теплынь, педагогам не сиделось в школе, они перекочевали дружную толпою за город, на природу. Поскольку Гера труп зарыл неглубоко – еще одна глупость, – детишки и обнаружили тело без особого труда. Ну, остальное – дело техники. В складах юбки обнаружили золотую запонку с четким отпечатком пальца Германа, а такие запонки были только у двух человек в городе – у Германа и его отца. Нашлись свидетели, которые показали, что девушка встречалась с ним, плюс наличие спермы... Все. Как особо опасного преступника, насильника и убийцу Германа кинули на нары.

И началось. Железный Феликс готов был пойти на все, лишь бы вытащить заблудшего сына, который и без того получил страшный урок. Пришлось попотеть, ибо неумолимый Леня Ступин слышать ничего не желал. Но когда взбешенный Феликс пригрозил, что сына ему не простит, видимо, мент струхнул и вышел со встречным предложением:

– Действительно, мы далеко зашли. Война (кто, интересно, эту войну начал?) ни к чему хорошему не приведет. Давай так сделаем: женим моего Марата на твоей Светке.

– Зачем?!! – воскликнул Железный Феликс, огорошенный предложением.

– А это гарантия, что ни ты, ни я больше не станем трогать друг друга. К тому же, если хочешь знать, моему сыну нравится твоя дочь, очень нравится, он сам говорил.

– Но моей дочери твой сын не нравится, – был уверен Фе-

ликс.

– А мне без разницы. Хочешь Германа вытащить – давай Светку. Я так желаю.

Феликсу впервые до жути захотелось влить пулю в Леню, который ловил кайф, ставя idiotские условия. Он так желает! И хоть лопни, а Светлану подай! Это просто издевательство! Но Феликс настолько устал, изнуряющие попытки вытащить сына кончились поражением, он предлагал взамен дочери деньги, много денег, на что эта сволочь – папа Марата – отвечал:

– Счастье сына дороже денег.

Вот где он набрался этой белиберды? Явно в каком-нибудь сериале подсмотрел. Да ведь жадность Ступина границ не имеет – это всем известный факт. Дальше события разворачивались в соответствии со средневековыми традициями: на Свету воздействовали уговорами, угрозами – она ни в какую. Но однажды она застала отца плачущим в одиночестве, Железный Феликс оплакивал сына. Он очень смутился, взял себя в руки и сказал:

– Ты, конечно, можешь не выходить за Марата... Я бы на твоём месте не знаю, как поступил. Но твой брат, считай, погиб, Герман не выживет в тюрьме. Смогу ли я вынести все это – не уверен. Ты останешься совсем одна. Потом, позже, тебя будет мучить совесть, ты ещё не знаешь, что это такое, но мучить будет. Ты можешь спасти брата, а толкаешь его в могилу. Как собираешься жить с таким грузом? Теперь ухо-

ди, я все сказал.

Света ночь проплакала, она девочка слезливая, а утром согласилась. Только ступив на пьедестал героини-мученицы, она не рассчитала силенок, поэтому время от времени брыкалась.

Вместо Германа сел другой человек, взявший вину на себя. Такой факт, как близость девушки и Германа, теперь получил новую трактовку, а именно: Герман действительно был с погибшей, проводил ее домой, назначив свидание на следующий день. Было еще не поздно, она пошла к подружке, чтобы поделиться впечатлениями о первом мужчине, такое у женщин бывает (за определенную сумму подружка дала нужные показания). Когда девушка возвращалась от подруги, на нее выехала из-за угла машина, резко затормозила, столкновения не произошло, но сильный испуг вызвал у несчастной сердечный приступ. Она скончалась, никого не было рядом, водитель, боясь осложнений, отвез девушку за город, где и закопал, вину признал, раскаялся (на что только не идут люди, лишь бы вытащить семью из нищеты). Притянуто за уши? Но ведь следов насилия на теле девушки не было, а сердечный приступ имел место. В жизни чего только не случается, на то она и *c'est la vie*.

Света немного успокоилась, вытирала нос и щеки изнанкой перчатки.

– Девочка моя, – начал мягко Феликс, – запомни, самые большие друзья на свете – близкие. Вы должны с Германом

выручать друг друга. Сегодня ты спасла его, завтра он поможет тебе, Герман теперь в долгу перед тобой. Мало ли какая ситуация может случиться, никто ни от чего не застрахован...

– Не слишком-то его переполняет благодарность, – перебила отца Света, хлюпая носом.

– Я понимаю, тебе обидно и горько, но потерпи, ласточка, потерпи.

– Я Егора люблю, – завывала Света.

– Да кто ж тебе мешает? Люби на здоровье, глупенькая, но так, чтобы никто не знал. На дачу к нам поезжайте, в Ростове у тебя квартирка есть, ты мужу не говори, ему необязательно знать...

– Папа, ты с ума сошел? Ну что такое говоришь! Егор ни за что не согласится. Он ведь порядочный, не то что мы.

– Да чем же мы плохи, Светочка? Ты еще не видела плохих людей, и тебе желательно с ними не встречаться. А Егор согласится. Раз любит, согласится на все твои условия. Объясни ему, что так надо. Но какой славный парень!

– Правда? Тебе он понравился? – обрадовалась Света.

– Он нравится тебе, значит, нравится мне. Хороший парень, сразу видно, без дерьма внутри. Ну, ничего, проживешь с Маратом годик...

– Сколько-сколько?! Почему год?!

– Да, ласточка, год. Пока следствие закончится, в суде дело наверняка долго рассматриваться будет. Ну-ну, детка,

не плачь. Думаю, дорогая, за год я сумею кое-что предпринять... Я ничего не забываю, очень меня он рассердил, этот Ступин... Я ведь, Света, прикинулся поверженным, время надеюсь выгадать, а там посмотрим. Мне нужна твоя помощь в этом деле, сегодня, сейчас, понимаешь?

– Папа, но мне же с ним придется спать!

– Света, а жизнь Германа? – Феликсу с трудом давался этот разговор.

– Если бы наш Герка не был таким бабником и дураком...

– Хватит об этом! – резко оборвал он дочь. – Все допускают ошибки, надо научиться прощать и защищать семью. А семья наша – он, ты и я. Любовь, ласточка моя, приходит и уходит, поверь мне, ничего нет вечного. Ты еще молоденькая, многого не знаешь. Запомни: делая широкий жест, доводи его до конца, не отступай на полпути. Ну все, иди к мужу.

Света подняла подол платья, высморкалась в шелковую нижнюю юбку, на что отец громко рассмеялся, чмокнул дочь в щечку и утер ей нос своим носовым платком:

– Ты совсем еще малышка... Ничего, ничего, выждать надо, а там посмотрим кто кого. Обещаешь больше не упрячиться?

– Обещаю, – буркнула Света, надув губы.

– Вот и умница. Иди, а то гости без невесты скучают.

Света вышла из кабинета. В холле перед залом быки отца играли в нарды, а на диване спал отец Марата, пресловутый

Леня Ступин. Нет, не спал, дрых, безобразно храпя. Света брезгливо передернула плечиками:

– Свинья. Фу!

– Светочка, нельзя так! Вдруг услышит.

У кабинета стоял друг отца, Петр Ильич, очень хороший человек – отец Андрея, который тоже нравился Светлане.

– Ну и пусть слышит. Жирная свинья! – упрямо сказала она.

– А ты права, если честно, – тихо рассмеялся Петр Ильич. – Папа в кабинете? Я к нему.

Утвердительно кивнув, Света поплелась в зал. А там шел очередной «перекус». Активно работая челюстями, гости поприветствовали невесту довольно лениво, так сказать, отдали дань. На этот раз отвращение у Светы вызвали они. Марат восседал одиноко на почетном месте жениха. Света решительно подошла к нему, взяла его лицо ладонями и, прошипев: «Как я тебя ненавижу», – запечатлела на его губах страстный поцелуй.

Улюлюканье, аплодисменты, вопли... Света, поставив руку на бедро, смотрела на гостей, и весь ее вид говорил: на-те вам поцелуй! Ага, гости хотят еще, шакалы! Пожалуйста. Она продемонстрировала «любовь» вторично и с самым паршивым настроением плюхнулась рядом с Маратом. Странно, какие бы гадости она ему ни говорила, он только снисходительно улыбался. А делала она это с определенной целью, чтобы «дорогой муж» взбесился и бросил ее прямо на

свадьбе. Вот где казус вышел бы! Жених отказался от невесты! Ее жалели бы, осуждали Марата, и все осталось бы на своих местах. Но Марат и не думал бросать Светлану, а спокойствие «мужа» раздражало ее до посинения. Света вновь почувствовала себя такой несчастной, такой угнетенной, одним словом – рабыней. Захотелось разреветься опять. Но она сказала себе мысленно: «Я дочь Железного Феликса. Я все выдержу!» И принялась чистить банан – хоть какое-то развлечение.

3

Докурив до фильтра сигарету, Герман потер ладонями утомленное лицо, тряхнул головой и решил вернуться в зал, но у входа нос к носу столкнулся с выходявшей оттуда Ритой, которая почему-то растерялась. Оглядев ее сверху до низу, Герман уставился на сумочку, висевшую на ее плече, – Рита явно намеревалась улизнуть потихоньку.

– Куда ты? – нахмурился он.

– Воздухом подышать, меня тошнит от этой свадьбы, – раздраженно сказала Рита.

– Тааак... – протянул он. – Ты сегодня весь день ищешь повод поссориться...

– А мы не мирились, – отрезала она. – Я всего-навсего выполнила просьбу «поприсутствовать» на свадьбе в качестве твоей подруги. Кстати, ты достойно справился с ролью друга: окружил меня вниманием, не отходил ни на шаг, танцевал только со мной, – все было как раз наоборот, поэтому говорила она язвительно. – И довольно. Хватит. Свою миссию я выполнила, могу идти домой.

Оттолкнув Германа, она сбежала вниз, но он очень быстро настиг ее, грубо схватил выше локтя и потащил за угол ресторана.

– Пусти! Мне больно! – вырывала руку Рита.

За углом он швырнул ее к стене, в которую уперся ладо-

нями так, что Рита оказалась между его рук. Молчал, чтобы не наговорить в запале такого, о чем впоследствии пожалеет. Только ноздри раздувались и дышал тяжело, шумно, словно пробежал километр. Рита будто не видела разъяренного Германа, добавила яда в интонацию:

– Вот как! Силу применяешь! Ты не перестаешь меня удивлять. Что ж, теперь тебе остается меня ударить. Давай, не стесняйся...

– Ты же знаешь, что я этого никогда не сделаю, – зло процедил Герман, почти не разжимая рта, а ему хотелось именно ударить Риту, очень хотелось.

– Не знаю! – надрывно вскрикнула она с болью. Герману стало не по себе, ведь он виноват перед ней. – Я вообще, как выяснилось, тебя не знаю! И если честно, не хочу знать. Пусти, я пойду домой.

– Ты останешься, потом я отвезу тебя.

– Не стоит утруждаться, доберусь сама.

– Рита! Не выводи меня из себя, – сказал он спокойно, но на пределе.

– А то что будет? Это Светку вы можете заставить делать все, что угодно вам, но не меня. Я не твоя собственность, понял? Приказывать ты мне не смеешь.

– Не говори так. Я прошу тебя...

– Думаешь, никто не видит ее зареванных глаз? – разъярилась Рита. – Вы что устроили с папочкой? Играете ее судьбой? Думаешь, никто не соображает, что на самом деле про-

изошло?

– Мне плевать...

– А мне нет! Плюй куда хочешь, но не в меня! Завтра вся эта свадебная свора будет смеяться над вами за вашими же спинами, а заодно и надо мной. Ты спишь с кем попало, я делаю вид, что все о'кей. А я не хочу, чтобы вся эта мразь тыкала в меня грязными пальцами. Это вы с папочкой страсусы, умеете голову в песок прятать, а я другой породы...

– Рита! – рявкнул Герман, и ему удалось перекричать ее.

У Риты дрожали губы, а Герман вдохнул глубоко воздух, задержал дыхание, затем упавшим голосом выдавил:

– Я же тебе объяснил. После ссоры я был сам не свой, выпил лишнего, ты же знаешь, спиртное на меня плохо действует, поэтому я стараюсь не пить. Потом...

– Не повторяйся, у меня прекрасная память. Выпил, познакомился, с ходу затащил ее в постель, а она подобного счастья не вынесла и скончалась, теперь ты раскаиваешься. Видишь, я все помню. Трогательная история! Если бы только она не касалась меня.

– Ты мне не веришь? – несколько озадаченно спросил Герман, ведь Рита была одна из немногих, кому он поведал правду.

– Как ты мог такое подумать?! Верю! Еще как! Так поступить можешь только ты: поссорившись, лечь с другой, а потом цинично мне исповедаться. Так вот, дорогой, как раз это меня и не устраивает. Неважно – скончалась твоя одноночка

или нет, с меня довольно этих мерзостей.

– Ты ревнуешь, вот и все.

– А должно происходить по-другому? – Рита даже хохотнула, потому что Герман – случай клинический. – Может, я должна приголубить тебя, пожалеть? Знаешь, найди себе такую дуру, которой понравятся твои похождения по бабам.

– Я не буду никого искать, я люблю тебя, – прорычал в гнев Герман.

– Да что ты! Надо же! И кто тебе поверит? Во всяком случае, не я. Ты никого, кроме себя, не любишь. Не думай о себе лучше, чем ты есть. Для тебя люди – пешки, вроде меня. Как мне все надоело! Я устала!

Рита сползла по стене, села на асфальт, не заботясь о костюме, поджатые к подбородку ноги обхватила руками и уткнулась лбом в колени. Герман слегка расслабился, достал сигарету. Не поднимая головы, протянув к нему руку, она потребовала:

– Дай и мне.

– Ты ж не куришь...

– С тобой и пить начнешь! Дай!

Он сунул ей в пальцы сигарету, щелкнул зажигалкой. Глубоко затянувшись, Рита стала смотреть в сторону, он – на нее сверху вниз. Курили. Молчали...

Рита не отличалась яркой внешностью, притягивающей глаз сразу, но она была очень привлекательна, обладала той неброской красотой, которую замечают часто со второго

взгляда, но коль заметили, то навсегда. Впрочем, она была умеренна во всем, никогда не переходила границ дозволенного, даже в одежде придерживалась классического стиля, у нее был отменный вкус. Она была интересна как собеседница – редкое для провинциальной девушки качество. Рита относилась к тем женщинам, которые умеют создать вокруг себя комфорт, даже если судьба их забросит на необитаемый остров или в пустыню. И которые привязывают к себе невидимыми нитями, с ними не так-то просто расстаться, чаще уходят они, и, уж если решат уйти, никакие силы их не остановят. Однако у Риты, по разумению Германа, есть один существенный недостаток: ум. Он портит все, он уличает, вычисляет, делает Риту строптивой. А Герман привык к повиновению, ибо женщина – существо второго сорта, и как второсортнице ей надлежит вести себя соответствующим образом, то есть по принципу: закрой рот, дура, и молчи, а если не дура, то все равно молчи. Рита на это не шла. Короче, ему было нелегко с ней. Правда, последние события и пребывание в местах не столь отдаленных кое-что перевернули в сознании Германа.

Отшвырнув окурок, он сунул руки в карманы, заговорил тихо, глядя в сторону, как будто фразы предназначались не Рите, а кому-то другому:

– Я совершил ошибку... непростительную... и наказан. Я хотел досадить тебе...

– Очень успешно это сделал, – не преминула вставить Ри-

та.

– Да выслушай, в конце концов! Если бы ты знала, как я раскаиваюсь... как хотел бы все изменить... Но ничего не поправить. Рита, я получил страшный урок... Кроме отца, Светки и тебя у меня никого нет, да никто, кроме вас, мне и не нужен... Ты веришь мне?

– Нет.

Герман со всего маху ударил кулаком о стену и едва не взвыл от боли. Он ведь переступил через себя, признался в сокровенном, чего раньше не делал. В запале он заорал во всю глотку:

– Ну что мне еще сделать? Что? Неужели так трудно простить?!

Из-за угла вынырнуло молоденькое милицейское создание, робко спросило:

– Помощь нужна?

– Сгинь!!! – гаркнул Герман, тот и сгинул.

Рита залилась смехом, хохотала безудержно, до слез:

– Помощь предложил! Тебе! Мы выясняем отношения, а тебе предлагают помощь! А почему ты отказался? У него есть дубинка. А любовью ты не пробовал заниматься при охране? А надо было. Опять же, свидетели...

– Я тебя сейчас задушу!

Он схватил ее за плечи, резким движением поставил на ноги (от неожиданности Рита вскрикнула) и угрозу завершил... поцелуем в губы. Она сообразить не успела, что про-

исходит, а когда сообразила, вырвать голову из его рук оказалось не под силу. Поэтому Рита вскоре перестала вырываться, опустила руки вдоль тела, стараясь оставаться безучастной, хотя это было невозможно. Когда он оторвался от ее губ, произнесла жалобно:

– Ты мне изменил...

– Прости, – шептал Герман, продолжая целовать ее лицо, а просить прощения ему было так тяжело, он не привык. – Прости, Рита... Не уходи...

– Ты мне изменил...

– Это была ошибка. Я многое понял, поверь.

– Как ты мог? – всхлипнула она.

Она плакала, а он почувствовал облегчение: ему все же удалось переломить Риту. Глядя ее по волосам, он обещал абсолютно искренне:

– Я исправлюсь, клянусь. (Она не то хмыкнула, не то попыталась засмеяться.) Постараюсь. Честно. Мне так плохо... Я по уши в дерьме. Рита, ты мне нужна. Прости. Прощаешь?

– Я знаю, что делаю бо-ольшущую глупость.

– Ритка!.. – Герман сжал ее сильно-сильно. – С каким удовольствием я бы сбежал сейчас с тобой. Я люблю тебя.

В зал они вернулись, когда Рита попудрила носик и подкрасила губы. Вечерело. Многие гости прилично набрались. Усаживая Риту и придерживая стул, Герман строго посмотрел в сторону Светланы, хотел удостовериться, что сестричка не выкинула очередной номер. Нет, Света и Марат сидят

рядышком, значит, все нормально...

Когда Андрей увидел их вместе, особенно его разозлила довольная рожа Германа. Андрей подскочил, нечаянно налетел на официантку с подносом. Уже в глотку не лезет, а жратву все несут и несут. Переступив через разбитые тарелки, Андрей решительно вышел в холл и... замер. Леонид Гаврилович мирно спит, бедняга, морда красная, пузо горой выступает над мордой – эдак помрет от притока крови к голове. Охранники, потягивая водку, уже осатанели от нард. Неподалеку мэр и пара его прихлебателей шепчутся.

– Петра Ильича не видели? – спросил Андрей охранников.

– Он с Феликсом в кабинете. Просили не мешать.

Андрей потоптался, затем уселся в кресло в углу, вытянул ноги и затих.

– Ты спятил. – Феликс неторопливо фланировал по кабинету. – Войну предлагаешь? Хочешь сделать из города Чикаго двадцатых годов?

– Ну ты хватил – Чикаго! – ухмыльнулся Петр Ильич, разливая по рюмкам коньяк. – Наш город не на всякой карте наружишь, а ты говоришь – Чикаго. Здесь что ни произойди – никто внимания не обратит. Кому мы нужны?

Выпили, закусили. Они уже с час беседовали наедине, но к общему знаменателю не пришли. Их содружеству многие завидуют. Петр Ильич ровесник Феликса, моложавый, энергичный, когда не находится дома, а занимается делом, об-

ладает на удивление спокойным характером, добродушный, обаятельный, неконфликтный. Предложение прижать хвост ментам Феликс воспринял бы от кого угодно, только не от него.

– Все равно без войны не обойдемся, – сказал, жуя, Петр Ильич. – Ты вот упиваешься собственными достижениями, а менты тем временем прибирают город к рукам. Кстати, забыл сказать главное. К нашему общему высокопоставленному другу подкатывали.

– Да я его в кресло мэра посадил, он не может...

– Может, Феликс, может, – «успокоил» его Петр Ильич. – Как носом почует, что сила на другой стороне, сдаст сразу. Человек слаб – такова его природа.

– Стареешь ты, раз философствовать начал.

– И старею, и мудрею. В этом тоже есть свой шарм.

– Мы на его выборы денег море потратили, не думаю, что он...

– Заплатит, заплатит черной неблагодарностью, – заверил Петр Ильич. – Он со мной уже через губу здороваётся – это тебе что-нибудь говорит? Поработали с ним. Да оглянись вокруг. Везде «крыша» – бандюги, а у нас милиция взяла на себя это «почетное» звание. Везде рэкетом занимаются уголовники, у нас опять же менты. Поинтересуйся у рыночников, они тебе порасскажут, как с них шкуру дерут. Видишь ли, Феликс, мы отпустили вожжи. У нас заказы, крупный бизнес, деньги, связи... мы и радовались. Тебе надо было мэ-

ром становиться, а не эту шваль ставить. Очень великодушно было отдать власть, а самому заниматься делом. Но кто же власть отдает? Власть даже в таком городке, как наш, это серьезно. Ты хотел спокойствия в городе – тоже похвально, но его ведь нет. Вот смотри. Из города исчезло импортное мороженое. А почему? Куда оно делось?

– И куда?

– Видишь, не знаешь. Такая мелочь тебя не интересует. А наш Ступин, который сейчас валяется в коридоре, двух слов связать воедино не умеет, косноязычен и туп, выпускает мороженое. (Феликс расхохотался.) Зря смеешься. Цех первого отдела, цех второго... Мороженое дрянь, потому и выдавили конкурентов. Хочешь не хочешь, а ешь мороженое от ментовки, заполонили им все пригороды, это уже приличные деньги, а если еще имеешь договоренность с налоговиками... Они уже диктуют. И знаешь, в чем опасность? Силу ощутили. У них оружие, их много. Ступин на хорошем счету в области, в городе раскрываемость преступлений девяносто пять процентов. Ты где-нибудь о таком слышал? И не услышишь, потому что так не бывает. Ну, шестьдесят, семьдесят от силы. Преступные группировки они лихо ликвидировали – зачем им денежки отдавать, когда самим можно отбирать? А мелкое жулье с успехом ловят, вот тебе и девяносто пять. У нас бандитская группировка одна – ментовка, а главарь – Ступин.

– Прямо Пол Пота обрисовал.

– Он хуже, потому что вообще не признает никаких правил. А знаешь, как они подминают под себя мелкий бизнес? Стоит ларек. Приходят, предлагают его охранять. У хозяина нет денег, чтобы содержать тройку ментов, он говорит, что они и так обязаны патрулировать. Ночью сторает ларек, лавочник разорен. Все ясно? Или: выходит наш бизнесмен из кабака, его – хватать, дескать, почему в нетрезвом виде? Потом он на все готов, лишь бы не били. Понял? Однако я согласен, рынки, ларьки, мороженое – мелочевка. А вот предприятия, которые не подошли в благословенные дни становления демократии, – крупный барыш. У тебя далеко не на каждом предприятии контрольный пакет акций. Скажу по секрету: остальные акции втихую скупают у населения, вот и посчитай, кто скоро править балом будет. Я ведь в администрации кручусь, выведал. Идет передел собственности, а это не шутки.

– Что ты предлагаешь конкретно?

– У тебя масса связей, пошевелись, подумай, как его достать. Что посоветуют свыше – прикинь. Делай выводы, а пока негласно клич кинем: все на борьбу со Ступиным. Малый бизнес надо брать под свое крыло, привлечь безработных, уголовников...

– Петя, и ты говоришь об уголовниках, ты?.. – поразился Феликс.

– Да брось. А мы с тобой кто, если разобраться? Мы же тоже... но более удачливые. Сейчас уголовником может стать

любой добропорядочный гражданин. Детям жрать нечего, человек идет грабить, поймали – все, уголовник. А они, кстати, не любят милицию. Потом, – понизил голос Петр Ильич, – если дойдет дело до... устранения... не сам же ты будешь этим заниматься.

– Ты спятил. Нет, ты в маразм впал раньше, чем предполагалось.

– Феликс, на заупокойных мессах нынче бизнес в стране стоит, чего ты испугался? Гляди, чтобы тебя не опередили и не грохнули как единственную силу в городе, пока ты будешь пребывать в нерешительности. Давай так: ты подумаешь, а завтра на лоне природы все обговорим. Есть готовые к делу люди, они тебе подскажут, что делать. И в ментовке есть свои люди, которых не прельщает власть Ступина. Тебя он как прихватил? Вина Германа в том, что он от трупа попытался избавиться, и все. Что, нельзя это доказать? Элементарно. Ступин же устроил: убийца и все такое! Смотри, Ступин не угомонился, а затаился. Не верю этому жлобу. Я все сказал, а теперь сиди и думай.

Герман много курил последнее время, находясь в одиночестве. Он чувствовал себя загнанным зверем. Запах тюрьмы преследовал его днем и ночью, омерзительный, въедливый, запах забродившей гнили и отсыревшего камня. Не отличались разнообразием и его сновидения, отчего ночи превратились в длинные кошмары. Стоило заснуть, как из глу-

бины подсознания всплывали: камера, прутья решеток, колючая проволока, оплетающая верх стен. Липкий пот покрывал тело. В тридцать лет Герман ощутил потребность измениться в корне, однако привычки, образ мышления подминали его, ведь так не бывает – с вечера лег спать одним человеком, а проснулся другим. Пока желание измениться оставалось только желанием.

– Герман, угостите сигареткой? – послышался голос скамочной феи.

Он очнулся. Перед ним на площадке стояла сногшибательная женщина.

– Прошу, – протянул он пачку.

Она вынула сигарету, поднесла ко рту и ждала. Он спохватился, извинился, поднес огонек. Заприметил ее давно, слишком уж отличалась она от остальных гостей и красотой, и формами. Такое впечатление, будто под кожу равномерно впрыснули силикон, увеличив все возможные выпуклости. И вообще она казалась здесь случайным человеком, словно вышла из дорогого столичного бутика, села в самолет, чтобы лететь куда-нибудь в Рим или Лондон на званый раут. А самолет сбился с курса и приземлился в Тютюшанске, и пришлось ей довольствоваться свадьбой местных богатеев.

– Простите, я вас не знаю... – сказал Герман, раздевая ее глазами и забыв напрочь, что секунду назад мечтал измениться, начать новую жизнь.

– Меня зовут Белла, я со стороны жениха, – она обаятель-

но улыбнулась.

– Вы нездешняя, – определил он.

– Родилась здесь, училась, потом уехала, вышла замуж. Около года назад муж умер, а я приехала домой, веду затворнический образ жизни.

«Ну, для безутешной вдовы-затворницы ты слишком хорошо выглядишь», – подумал он. Белла присела на ступеньку и посмотрела на него снизу вверх, как бы приглашая присоединиться. Он охотно сел рядом, внутри защекотало, когда представил ее голой в постели. Нет, горбатого только могила исправит! А Белла усмехнулась, видимо, прочла его тайные мысли, потом запрокинула голову и произнесла чудным голосом:

– Денек сегодня как по заказу. Надо полагать, холодов больше не будет.

– Впереди июнь, он богат на сюрпризы. Вы не любите холод?

– Терпеть не могу! Я тепличное растение. От холода у меня наступает оцепенение и ссыхаются мозги, делать ничего не могу, кутаюсь и впадаю в спячку.

– А зачем такой красивой женщине мозги? – наивно спросил Герман, ведь второсортице, даже с роскошным фасадом, они ни к чему. Белла рассмеялась громко и заливисто. – Почему вы смеетесь?

– В одной вашей фразе все отношение к слабому полу. Что, не везло вам с женщинами?

Два ее зрачка, обведенные фиалковыми кругами, хищно прицелились в него. Из черных, расширенных точек выплыла чертовски привлекательная порочность, окутала Германа, одурманила. О, такие женщины живут с тайной на дне души, непредсказуемы и строптивы, как дикая, необъезженная лошадь, для настоящего джигита дело чести обуздать подобную лошадку. Герман алчно сглотнул слюну, предложив:

– Давай на ты?

– Давай. Пить на брудершафт будем?

– Само собой. Бокалы сюда принести?

Она утвердительно кивнула. Окрыленный Герман метнулся в ресторан, пролетел мимо дремавшего Андрея, который приоткрыл один глаз, наблюдая за соперником, кстати, соперником по всем статьям, а не только в борьбе за Риту. Через пару минут Герман вернулся, неся два полных фужера. Заинтересовавшись, Андрей встал и подошел к стеклянной двери входа. Обзор был великолепный, нет надобности подкрадываться, подсматривать и нет опасности быть застуканным. Когда Герман и Белла переплели руки, Андрей быстро отыскал в зале Риту, не говоря ни слова, схватил ее за руку и поволок за собой. Он никогда не проявлял грубости, поэтому она была поражена, мямлила:

– В чем дело?.. Куда ты... Да скажи...

Он подвел ее к стеклянной двери, указав пальцем вперед, сказал:

– И так всю жизнь. Тебе это нравится? Ответь, загадочная

женская душа.

Томительный поцелуй на ступенях ресторана... Рита не удивилась, скорее, слегка огорчилась, а еще ей стало стыдно, очень стыдно и за себя – нельзя же быть такой душой и пошлостью, и за Германа – сколько можно обманывать?

– У меня нет гарантии, что ты будешь другим, – сказала Рита грустно.

– Гарантия? Я могу дать лишь одну гарантию – статус жены. Тебя ведь все равно никакие доводы и заверения не убедят. К чему тогда говорить?

Он хотел уйти и даже сделал несколько шагов от Риты, как вдруг она остановила его:

– А знаешь... я выйду за тебя замуж.

Спиной почувствовала его приближение, затем дыхание на затылке, шепот:

– Это будет твой единственный разумный поступок за время, что я знаю тебя.

Его губы обожгли шею. Рита повернулась к нему лицом. Действовал он на нее с магической силой гипнотизера, чего она пугалась и от чего бежала, сжимаясь от страха, что не устоит, но не по своей воле, а по его. Нечто подобное и сейчас шевельнулось в душе Риты, пульсировало в висках, перехватило горло. Может, это обида дала такую реакцию, но Рита в который раз подумала: «Почему я его боюсь?»

– Уйдем отсюда, – предложил Андрей, увлекая ее за собой.

Томительный поцелуй... и крылышки, успевшие вырасти за спиной Германа, улетучились. Дело в том, что Белла оказалась слишком податливой, а в податливости своей слишком профессиональной, чем насторожила его. Интерес к ней моментально сгинул, в сознании явственно прозвучал сигнал: как бы чего не вышло. Немногим ранее его никакое чутье не остановило бы, однако пуганая ворона куста боится.

– Ну, теперь мы на ты, – деловито сказал Герман. – Надеюсь, увидимся, а сейчас мне требуется, пардон, в туалет. Пока.

С тем и удалился. Не понимая неадекватного поведения Германа, обескураженная Белла буркнула, глядя в темное небо:

– Скотина, как и его отец.

Звон рюмок и бокалов оживил ресторан, у гостей открылось третье дыхание. Но тут всех пригласили на улицу, первые россыпи огней взорвались в сизом небе. Да, Железный Феликс отдает дочь замуж под залпы фейерверка. И Света, еще минуту назад горевавшая и оплакивавшая свою несчастную судьбу, с восторгом глядела вверх и даже подпрыгивала, хлопая в ладоши, когда по небу рассыпались особенно красочные огни. Двадцать минут взрывались многочисленные искры, закручивались в спирали, оставляя светящийся след на небосклоне, а потом все вернулись в зал. И вновь музыка, от которой трещала голова. Света уже ничего не соображала,

клевала носом и мечтала только об одном: о мягкой кровати и сне. Она даже не отреагировала, когда Марат обнял ее за плечи, нравится изображать мужа – пускай, надоело все.

Сквозь шум, усталость и сонливость Света заметила излишнюю суету в зале, как-то странно вели себя быки отца. Один подбежал к Герману с перевернутым лицом, что-то шепнул на ухо, тот подскочил... Что это с ними? Куда несется Герман? Повинуясь внутреннему чутью, Света встала и пошла к выходу. За ней неотлучно следовал Марат – черт, шага не дает ступить! И гости липнут...

Света вышла в холл... Дверь кабинета, где она беседовала с отцом, открыта настежь, там толпится народ... Девушка растолкала здоровых мужчин, которые молча уступали ей дорогу... Она вошла в пустой кабинет...

Нет, не пустой, отец лежит на ковре. Почему? «Ой, ему, может быть, плохо...» – подумала Света и хотела крикнуть: позовите врача. Но присмотревшись, увидела...

На лбу, прямо над бровью, зияла темная точка. Под головой бордовое и влажное пятно. Кровь! Феликс лежал с простреленным лбом. Пол вместе с отцом стал раскачиваться. Света попыталась устоять на ногах, но это оказалось совершенно невозможно. Неожиданно погас свет...

Ее успел подхватить Марат.

4

В недоумении она скользила взглядом по незнакомой обстановке. Желтое солнце прорывалось сквозь задернутые шторы, которые слегка шевелились от легкого сквозного ветерка, а впечатление было – будто там кто-то спрятался. Свете почему-то стало жутко. Она села. В теле тяжесть, в голове тоже... Не понимая, где находится, оглядела еще раз комнату. Да нет, она уже бывала здесь... Причиняло неудобство белое платье, в котором она спала. У стен грудой лежали коробки, свертки. Ага, вспомнила: была свадьба. Кажется, она выходила замуж, только не помнит за кого. Прислушалась. Доносились приглушенные голоса... Света встала осторожно, ее слегка покачивало, подошла к двери, приоткрыла...

– Понимаешь, не верю я, что это он, – отчетливо донеслось до нее.

Марат. За него она должна была выйти замуж! Так вышла или нет? Тем временем заговорил Герман:

– Но кто-то же выстрелил? Подгадал под залпы фейерверка, рассчитал точно: кто обратит внимание на хлопок, когда такая пальба, да еще пробками от шампанского стреляли? А какой визг стоял! Очень умно. Но кто?

– Откуда мне знать? – снова сказал Марат. – Из присутствующих на свадьбе многие не любили Железного Феликса.

– И первый – твой отец?

– Тебе давно морду не били? Я могу напомнить, как это делается. Больше никогда при мне даже в шутку не говори такое, понял?

– Ай, как страшно, – с сарказмом сказал Герман. – Не пугай, не боюсь. Убили-то моего отца, подозревать я могу кого угодно.

Растерянная Света, появившаяся в комнате, прервала их перепалку. В глазах девушки дрожали слезы, готовые вот-вот выкатиться.

– Что? – спросила она у обоих. – Что с папой? Что?

Герман с угрюмым видом сидел в кресле, глядя в пол. Марат молча тер подбородок. Света ясно увидела вчерашнюю картину: ковер в кабинете, на ковре отец с точкой на лбу, еще кровь... Прорвавшиеся рыдания не дали говорить, она зашаталась, не хватало воздуха. Подскочил Марат, помог ей добраться до дивана, Света уткнулась ему в плечо, а он утешал ее самым глупым образом, впрочем, так утешают все, не находя нужных слов, пользуясь обычным набором:

– Светлана, успокойся... Ну что уж тут поделаешь... Ты ничем не поможешь...

– Прекрати истерику, – устало произнес Герман.

– Заткнись! – рявкнул на него Марат.

– Должна держать себя в руках, она дочь Железного Феликса.

– Это ты! – закричала на брата Света. – Все из-за тебя! Все плохое пошло от тебя! Папа... Нет, не верю, неправда...

Папочка...

– Как легко меня обвинять, – с горечью сказал Герман. – Видно, за девчонку мне придется расплачиваться всю жизнь. Умойся, у тебя все лицо в косметике, – попытался он отвлечь сестру.

Но истерика набирала силу, Света захлебывалась рыданиями, быстро слабела. Марат взял ее на руки и понес в комнату, где она спала.

– Тебе лучше сейчас уйти, – бросил он на ходу Герману. – Вижу, у вас нет никакого взаимопонимания...

– Ого! А у тебя уже есть? – поднял брови Герман. – Быстро, однако!

Марат накапал в стакан капель, которые вчера дали врачи «Скорой», поднес Свете, но она отталкивала его руку.

– Выпей, – настаивал он, – тебе необходимо.

Кое-как удалось насильно, держа Свету за голову, влить ей в рот успокоительное, дал запить минеральной водой. Света откинулась на подушки, постепенно затихала, изредка вздрагивая. Марат подождал еще некоторое время, потом вышел из комнаты.

– Как Светка? – поинтересовался Герман. Не мог же он уйти, бросив сестру в таком состоянии, а то, что она говорила... это все слова, обидные, но слова, за которые ей потом будет стыдно. Уж Герман знает ее.

– Вроде спит.

– Ну, пусть спит. Я остался потому, что хотел сказать тебе,

Маратик... Она девчонка избалованная, но хорошая и... не для тебя.

– Уж как-нибудь без тебя обойдусь в этом вопросе.

– Больно ты самоуверенный. Запомни: если она хоть раз заплачет из-за тебя, если ты посмеешь ее обидеть... Я с тебя шкуру живьем сдеру, понял? И тогда убийцу искать не придется. Ты понял?

– Понял, а теперь катись.

Герман ушел, хлопнув дверью. «Поговорили» родственники. Марат мысленно послав Германа подальше, принялся разбирать свертки и коробки, заполнять пустующие шкафы. Мебель привезена была еще накануне свадьбы, основную часть подарили, остальное купил отец Марата. Двухкомнатная квартира – подарок Феликса. Еще он преподнес две путевки на Кипр, поездку теперь придется отложить. Наткнувшись на новенький телефон, Марат позвонил отцу. Тот сначала откашлялся (всегда кашляет после пьянки), затем спросил:

– Как твоя жена?

– Неважно. Ну, ты сам понимаешь...

– Конечно, я понятливый. Мальчишку, ее кавалера, взяли вчера дома...

– Знаю, Герман приезжал, рассказал. Думаю, ей пока не стоит говорить.

– Разве ж в нашем городе утаишь? Ты ее не удержишь за перти, все равно узнает.

– Лучше позже. Пусть отойдет немного. Я постараюсь не выпускать ее.

– Весь город только об этом и базарит. Кровавой свадьбой окрестили. Мать прислать? Поможет там, приготовит, а?

– Сам справлюсь. Светка маму не очень-то принимает...

– Скажите, цаца какая! В тряпку не превратись.

– Ну, нет, – рассмеялся Марат и тут же осекся, посмотрев в сторону второй комнаты. – Мне это не грозит.

– Сказал слепой – побачим. Марат... – и отец замолчал.

– Я слушаю. Говори.

– Обсудить кое-что надо...

– Не могу бросить Светлану. Пусть придет немного в себя, а сейчас не могу.

Распрощались, Марат вышел на балкон, покурил. Затем заглянул к Светлане. Лицо ее выглядело довольно комично, в разводах и потеках косметики, от вчерашней модельной прически остались лишь воспоминания – волосы торчали в разные стороны. С ней придется туго, ибо характер у принцессы не сказочный. Но у Марата есть выносливость и терпение – типично русские черты. Осторожно прикрыв дверь, он стал наводить порядок в квартире.

5

Герман остановил машину у своего дома, положил руки на руль, опустил голову.

– Тебе плохо? – тронула его за рукав Рита.

– Хуже не бывает.

Он повернул к ней лицо с покрасневшими и потускневшими глазами, невероятно уставшее и отчаявшееся. Она тоже выглядела не лучшим образом. Потрясение на свадьбе, бессонная ночь выхолостили все чувства, но Германа ей было жаль.

– Тебе надо отдохнуть, – сказала она ласково, ведь именно в тепле и участии нуждался он. – Прими душ и хорошенько выспись. А я возьму такси...

– Не уходи, не бросай меня.

– Хорошо, не уйду. Просто я подумала, что тебе хочется побыть одному.

– Не хочется.

Въехали во двор. Дом с улицы выглядел небольшим, а со двора потрясал размерами. Два этажа, но вглубь он протянулся метров на сорок, а то и больше. Крыша со второго этажа покрывала пологим склоном кухню-столовую, зимний сад и примыкающий к нему бассейн. Навстречу Герману и Рите сорвались с мест три добермана. Собаки, словно почуяв беду, жалобно скулили и увивались вокруг Германа,

заглядывая преданно в глаза. Он, идя к дому, машинально погладил каждую, пройдя прихожую, остановился, не решаясь сделать следующий шаг в комнату. Не прошло и суток, как нет отца, а дом дышит пустотой, из него уже испарилось то, что держало дух семьи, притягивало сюда друзей. Слово «друзья» полоснуло Германа, как бритвой. Кто выстрелил? Уж не они ли, те, кто заглядывал отцу в рот, ловя каждое его слово, кто якобы готов был в лепешку разбиться ради него, именуя себя друзьями, не они ли устроили кровавый заговор и убили его?

– Не думай ни о чем, – проговорила за спиной чуткая Рита. – Тебе надо отдохнуть.

– На том свете отдохнем, – мрачно сказал он и, тяжело ступая, поплелся по лестнице вверх, оглядывая внутренности дома, как будто видел все впервые.

В ванной шумела вода. Рита приготовила на скорую руку закуски, стрелки часов подползали к четырем часам, а они давно не ели. Стряпуху Феликс отпустил, ведь свадьба планировалась трехдневная, с выездом за город на два дня. В доме никого. Поставив еду на стол в комнате Германа, Рита ждала. А стрелки бежали вперед – уже полпятого. Порывшись в комод, она достала полотенце, осторожно приоткрыла дверь ванной, прилегающей к комнате Германа. Он стоял под душем, скрестив на груди руки и прикрыв веки. Вода поливала его сверху, стекала по телу, а Герман не шевелился, казался неживым изваянием под дождем. Отчего-то Рите

стало жутко.

– Герман... – робко позвала она. – Ты долго стоишь под душем... Вот, возьми полотенце... Ты слышишь меня? Герман!

– Да, – коротко отозвался он, одновременно поворачивая краны.

Взяв полотенце, не завернулся в него, а поплелся в комнату, бросив на ходу:

– Ты тоже устала, ополоснись, а хочешь, иди в бассейн. Халаты в шкафу.

Рита обожала плавать, вода – это ее стихия, блаженство. Усталость и нервное напряжение можно действительно снять водой, но это удовольствие не для сегодняшнего дня. Она моментально разделась и, несмотря на приятные ощущения от душа, постаралась недолго стоять под потоком. Очень ее беспокоил Герман. При посторонних вел себя идеально, был собран и сдержан, что совсем не в его духе. Оставшись с Ритой, стал как потерянный. К слову сказать, наедине с ней он был совсем другой, чем и держал ее, а при посторонних Герман меняется, надевает дурацкую маску. Рита приняла твердое решение порвать с ним, однако в ближайшее время сделать это не удастся. Не добивать же его!

Завязывая халат, она тихонько заглянула в комнату, увидела его со спины. Герман сидел голый на кровати, на коже не успели высохнуть капли воды. Он раскачивался взад-вперед, обхватив голову руками. Так, наверное, раскаиваются в

страшных проступках, выражая без слов ужас и боль. Рита ступила босыми ногами в комнату, стала на цыпочки, он попросил, не оглядываясь:

– Принеси выпить.

Внизу она торопливо открывала подряд шкафы, пока не обнаружила склад спиртного. Перебирая початые бутылки с импортными этикетками, Рита обращала внимание только на градусы. Найдя надпись: 43 градуса, прихватив большую рюмку, взбежала наверх. Герман не дал налить в рюмку жидкость горчичного цвета, забрал бутылку и пил из горлышка, как пьют колу при невероятной жажде. Осушив бутылку наполовину, он утерся тыльной стороной ладони и тяжело произнес:

– Не верю, что отца... нет... не верю...

В подобных случаях лучше молчать. Молчала и Рита. Через паузу Герман сказал:

– Но ведь кто-то его завалил. Кто-то из тех, кто был на свадьбе!

– Так ты не думаешь, что это сделал тот мальчик... Егор?

– Разве я похож на идиота?

– Почему же ты согласился и... и... позволил его... разве не он?

– Потому, – вяло отозвался Герман.

Опьянение не наступало, боль обострилась, его начала бить мелкая дрожь, словно он замерз. Герман отхлебнул из бутылки, которую не выпускал из рук, и пояснил Рите, нерв-

но сжимавшей рюмку:

– Пусть думают все, что убийца найден, что я считаю им Егора. Пусть так думают. И настоящий убийца тоже. Я сам его найду. Обязательно найду.

– И что потом?

– Убью, – спокойно сказал он, запивая из бутылки страшное слово.

– Ты несправедлив к Егору. – Рита старалась говорить мягко. – Каково ему сейчас в тюрьме? Славный паренек попал к отребью, обвиняется в убийстве... ему тяжело...

– Переживет, – жестко отрезал Герман. – Я должен найти эту сволочь, а для этого мне надо, чтобы парень... понимаешь? Зная, что на Егоре висит подозрение, убийца успокоится и выползет наружу. Обязательно выползет, я уверен. А парень... ничего с ним не случится. Посидит немножко, потом я компенсирую ему моральный ущерб.

– Разве возможно это компенсировать деньгами?

В следующий момент бутылка полетела в стену, раздался почти взрыв, и осколки посыпались на ковровое покрытие. У Риты бешено заколотилось сердце от испуга, а побагровевший Герман с вздувшимися на шее жилами закричал:

– Хватит о Егоре! Моего отца убили! Вдумайся: у-би-ли! Кто-то выстрелил в него на свадьбе дочери. Кто-то продумал все до мелочей, действовал хладнокровно. И это кто-то из приглашенных на свадьбу, он сочувственно пожимал мне руку (Герман в сердцах ударил ладонью по кровати), похло-

пывал ободряюще по плечу, а возможно, и слезу пустил. Да я холодею, когда думаю, что бродит он среди нас, что он из тех, с кем отец пожелал остаться наедине во время фейерверка, кому доверял. И я клянусь, что вычислю его. И прикончу вот этими руками! Я уничто...

Он осекся на полуслове, заметив потрясенную, сжавшуюся Риту.

– Прости, Рита, – взял ее за руку, потянул на себя. – Я напугал тебя... прости. Мне... я любил его. Он был замечательным человеком, теперь его нет и... никогда не будет. Никогда. Вдумайся в это слово: никогда... Страшно звучит... Рита... ты мне нужна... очень...

Наткнувшись на рюмку, которую она так и сжимала обеими руками, Герман вынул ее и отбросил в сторону. Звякнув, рюмка разбилась. «Какое все хрупкое...» – промелькнуло в голове Риты, Герман тем временем шептал и шептал, хотя они были одни в огромном доме, но он как будто боялся, что его подслушают:

– Рита, прости. Таким ты видела меня последний раз. Обещаю. Рита... я не могу без тебя. Дай мне слово, что не бросишь меня.

Такого слова она дать не могла. Все было слишком хрупко, а потому изменчиво. Рита была уверена, что горе и боязнь одиночества пройдут, Герман все забудет и станет прежним. Так уж он устроен. Она же устроена по-другому, жить с постоянной тревогой, думать, что он где-то проводит

время с другими, – невыносимо, былых отношений не вернуть, что-то изменилось в ней, надломилось, треснуло. Но сейчас... Пусть святоши-праведники осуждают ее, дескать, нельзя лгать, а заниматься любовью, когда случилось непоправимое несчастье, грех и святотатство, Рита не посмела оттолкнуть Германа. Поначалу ее сдерживало нечто невидимое, нависшее над ними, чему, возможно, есть название – рок, смерть, неотвратимость. Казалось, эти силы извне следят за ними, отчего сковывало руки, ноги, чувства. Однако Герман еще никогда не был так нежен, словно открылись шлюзы и на Риту хлынул поток любви, принудивший ее отпустить себя.

Он отключился сразу, а Рита заснуть не могла, размышляла. Вот уже и надежда расталкивала внутри сидевшую уверенность, что их роману пришел конец. Противоречия и сомнения вытекали из уголков глаз, оставляя на подушке мокрые пятна. Стоило Герману очнуться ото сна, как он шарил руками в поисках Риты, крепко прижимал ее к себе, они долго лежали без слов, а затем повторялось то же самое, с открытыми шлюзами...

Стемнело. Горела настольная лампа на тумбочке у кровати, из окна тянуло прохладой, и никак не спалось. Рита набросила халат, подошла к окну. В доме Феликса окна огромные, доходят почти до пола и днем дают много света. Рита забралась с ногами на подоконник, долго глядела в звездное небо, от которого веяло вечным покоем, а потом опустила

глаза на дерево напротив...

Неподалеку рос необыкновенно большой серебристый тополь с толстенным стволом и раскидистой кроной. Ему, наверное, лет сто, не меньше. Подсвеченный фонарями, он прекрасно вырисовывался на фоне темноты. Именно оттуда, из кроны, исходило что-то пронзительно пугающее. Ударила мысль, пронеслась огнем по телу, оставляя мурашки на коже: за ними наблюдают! Рита подскочила, задернула штору и прижалась к стене.

– Рита... Рита... – беспокойно заерзал на постели Герман.

– Я здесь. – Она скользнула к нему под одеяло, теснее прижалась. «Надо поспать, – подумала она, – а то мерещится всякое. Я становлюсь истеричкой».

Интуиция ее не обманула. На дереве находился наблюдатель в черной одежде. Когда Рита торопливо задернула штору, он выждал несколько минут, убедившись, что штора не шевелится, значит, наблюдать не за чем, опустил веревку так, что та, перекинувшись через мощный сук, коснулась обоими концами земли. Соединив концы веревки, человек спустился вниз, потянул за конец, быстро смотал веревку и был таков.

6

Странное дело, Железный Феликс не отличался ни жестокостью, ни кровожадностью, ни алчностью... Впрочем, алчность – понятие растяжимое, и смотря в каком разрезе это слово понимать. Феликс любил деньги, сумел много «прихватизировать» бессовестно, но, господа хорошие, кто из наших нуворишей заработал денежки кайлом и лопатой, утверждает Петр Ильич. Таких нет, или почти нет. А Феликс, хоть и хапнул, но делился, он был щедрым человеком. Субсидировал различные городские мероприятия, дал деньги на операцию за бугром больному ребенку, а школе, где учились его дети, покупал оборудование, постоянно делал крупные вливания в детский дом. Разве можно его втиснуть в рамки негодяя? Несправедливо. Но вот что интересно: в людях, пришедших почтить его память, мелькали затаенный страх и неприязнь. Они заходили в фойе ДК, где лежал Феликс, одну-две минуты молчали у тела, положив цветы, уходили, некоторые не скупилась на слезу. Скорбь подчеркивала траурная атрибутика, включая заунывную музыку классиков всех эпох. Через какой-то час Феликса трудно было разглядеть за снопами букетов, которые периодически убирали в сторону две женщины с важно-ответственным видом. Что же заставило всех этих людей, которых в подавляющем большинстве Феликс не мог знать лично, прийти сюда сего-

дня? Вековой страх раба, уважающего хозяина только за то, что тот вытянул из него соки? Или затаенное торжество все того же раба, пришедшего полюбоваться кончиной деспота? Однако проводить Феликса пришел едва ли не весь город.

Марат долго сидел у тела тестя возле юной жены и ее брата, скучал, наконец, вышел покурить, присоединившись к отцу, стоявшему на улице в тени.

– Гробешник, видал, какой? – спросил Леонид Гаврилович, когда они медленно пошли вдоль аллеи. – Из самой Москвы самолетиком приперли. Герман тоже пыль в глаза любит пустить. Теперь думает, что Железный Феликс – это он. О, мать идет... Глянь на фотокарточку, пилить будет.

Галина Федоровна шла по-солдатски целенаправленно, ее распирало от чувств, а подходящего случая высказаться не представлялось. Приехала она в дом к женатому сыну через день после кровавой свадьбы и диву далась невесткиному отношению к Маратику. Сейчас, подойдя к мужу и сыну, она бойко начала:

– Марат, жена твоя какая-то странная... Я два дня у вас домработницей была, а она хоть бы слово сказала. Ни «спасибо», ни «до свиданья»... И тебе хамит, а вы же только поженились. Как мне, матери, это понимать?

– Галя, – лицо Леонида Гавриловича приобрело выражение святого мученика с картины древнего живописца, – не болтай глупости. У девочки горе...

– Я тоже двух родителей схоронила, так что? Надо на всех

зверем смотреть? Мы ж теперь ей родня, а Марат... Не, ну я не знаю... Она по доброй воле вышла замуж, должна уважать родителей мужа. Я понимаю, горе...

– Мама, хватит, – тихо, но внушительно сказал Марат.

– Не, ну ты гляди! Мне и слова сказать нельзя? Это ж черт-те что! – Марат махнул рукой и, не оглядываясь, пошел к гробу тестя. – Не, отец, это что такое?

– Иди к бабу, – миролюбиво предложил муж.

– Ты не знаешь и меня слушать не хочешь, – окончательно прорвало Галину Федоровну. – Маратик выбрал себе черт-те что! Не перебивай! – рывкнула она, хотя муж даже не собирался открывать рот, так как знал: пока это делать бесполезно. – Он ей кофе в постельку, как принцессе... А порхал во-круг! «Светик, скушай бутербродик. Светик, попей капельки. Светик, хочешь в ванне искупаться?» А она? – «Не хочу! Отстань! Уйди! Оставь в покое!» Что ж это за семейная жизнь... Не перебивай!..такая будет у нашего Марата? Она же грубиянка. Горе горем, а муж... вместе как-то надо! Не перебивай! Ты еще не знаешь! Они спят в разных комнатах!!! Я, конечно, понимаю, это самое может обождать... Не перебивай, я сказала!..но почему не на одной кровати спят?! Не нравится мне эта женитьба!

– Дура, – флегматично вставил наконец муж и побрел к ДК.

Она задохнулась обидой и негодованием, но в руки взяла себя быстро. Галина Федоровна женщина крепкая. Отды-

шавшись и уняв гнев, тихо пригрозила вслед мужу:

– Скажите какие! Ну, ничего, завтра ты у меня без котлет останешься. И борщ в унитаз спущу. Захотите жрать, Леонид Гаврилович, в столовую ступайте. Я тебе покажу: дура!

Герман не пролил ни одной слезы, только желваки ходили на скулах, по ним и можно было определить степень его напряжения. Еще он задерживал колючий, изучающий взгляд на подходивших к отцу людям.

– Ты буквально в каждом видишь убийцу, – сказала раздраженно Рита, когда он вышел в очередной раз покурить. – Так нельзя. Люди пришли проводить твоего отца...

– Кто-то из них, – не слушал он.

– Откуда ты знаешь? Может, убийца вообще сюда не пришел.

– Я сосчитал. Все, кто был на свадьбе, пришли. Все.

– Ты считал?! – поразилась Рита. – Считал у гроба? Герман, ты ненормальный. А если это сделал посторонний, нанятый? Незаметно пробрался в ресторан и... Нельзя же всех подозревать!

– Если бы на свадьбе были дети, я бы подозревал и их.

– Нет, ты не в своем уме. А меня подозреваешь?

– Тебя нет. Единственную.

Герман обнял ее. Из-за его плеча Рита увидела Андрея, скрестившего на груди руки и прислонившегося к колонне, который наблюдал за ними без особых эмоций. Она смути-

лась до красноты на щеках, высвободилась из объятий, сказала:

– Иди. Тебе нужно находиться там.

Герман прошел мимо Андрея, как мимо стенки, а она задержалась:

– Что ты на меня так смотришь?

– А как же обещание выйти за меня замуж? – усмехнулся тот.

– Я не могу его бросить в таком состоянии, – вовсе не оправдывалась Рита. – Это было бы жестоко.

– А он не был с тобой жестоким?

– Был. И будет. Потому я и решила расстаться с ним. Но не сейчас.

– А когда?

Спокойствие, мягкая настойчивость Андрея и его немой укор стали раздражать, впрочем, на себя Рита злилась больше. Одному пообещала выйти замуж, с другим спит, причем Андрей терпеливо сносит ее измену. Кошмар! А не послать ли их обоих?

– Когда наступит время, – отрапортовала она и прошествовала в траурный зал, ругая себя мысленно: «Нет, это я свихнулась».

Что и говорить, процедура пренеприятная, к тому же скучная, особенно для Беллы, которая держалась несколько в стороне, лениво озираясь вокруг и переговариваясь с по-

другой. В отличие от Беллы, для Зои траурная церемония – еще одна возможность оторваться от кастрюль и вырваться на люди. Муж держит ее в черном теле, он из этих: пальцы веером, сопли пузырями, череп лысый, а под черепом – баксы, пиво, шлюхи. Зоя, целиком зависящая от него, вынуждена сносить «богатый внутренний мир» и «свободолюбие» мужа. Она частенько тайно посещала венеролога и ходила с примочками на лице. Когда слишком рьяно качала права, он отмахивался от нее, а у Зои «случайно» появлялись синяки. Она приличная молодая дама, правда, завистливая, но зато является энциклопедией городской жизни. Иногда к ним подходили знакомые, обменивались несколькими фразами, отходили, мужчины не забывали сделать комплимент Белле. Кстати, Белла слегка перепутала похороны с вечеринкой, хоть и оделась в черное платье, однако слишком открытое, воздушное и прозрачное. Зоя несколько раз вздохнула, Белла не выдержала:

– Господи, да что ж ты так тяжело вздыхаешь? Феликса жаль?

– Еще чего! – фыркнула та. – Раз получил пулю в лоб, значит, заслужил. Меня любопытство разбирает: кто осмелился всадить ему пулю? Да где?! На свадьбе! Кто такой смелый? Феликса многие ненавидят из них, – Зоя кивнула на группы людей, рассредоточенные по залу. – Больно зажрался он, хапнул полгорода, кому это понравится?

– Так уж и половину? – саркастически усмехнулась Бел-

ла. – Не преувеличиваешь?

– Клянусь! А остальная половина боялась его. Как ему это удалось? Теперь все перейдет к Герману. Видишь, не пришлось ждать долго смерти папочки. Слушай... – Зоя по-вовски зыркнула во все стороны, понизила голос: – А может... Герман уколошил папашу?

– Ты совсем того?

– Я ничему не удивлюсь. Передачу смотрела, там какой-то мужик с бородой говорил, что у нас сильно снизился нравственный порог. Ну, может, он и не так выразился, а смысл вот какой: возросло количество людей, способных на тяжкие преступления, на очень тяжкие. А он профессор... чего-то там... по мозгам.

– Психологии?

– А черт его знает, не запомнила. И повод есть у Геры – бабки! Так что я не удивлюсь.

– В таком случае, твой муж тоже мог его убить, если следовать твоей логике о «пороге». Ему заплатят, он и тебя грохнет.

– Точно, – согласилась Зоя. – Мой мог убить. Только он во время фейерверка на мне висел в зюзию пьяный. Свинья. Эх, кто бы грохнул моего Михасика. Я б его до конца дней святым избавителем почитала.

– Ты можешь и солгать, чтобы алиби мужу обеспечить.

– Кто? Я? Ему? – возмутилась Зоя. – Да я сплю и вижу, чтоб этот боров в преисподнюю провалился. Алиби ему! Я

б с удовольствием на него накапала, если бы он еще ко всем бабам на фейерверке не клеился, смотреть, гад, мешал. Он меня так достал...

– Ну и грохни его сама, – посоветовала Белла.

– Боюсь.

– Что посадят?

– Нет. Что не убью сразу. Тогда он сделает из меня сначала отбивную, потом труп. А у меня дети. Смотри, смотри... – оживилась Зоя. – Ишь, Ритка как нацелилась на наследника, не отходит от Германа.

– Каждый устраивается как может, – заявила Белла.

– Тебе лучше знать, ты же у нас неплохо пристроилась, – съязвила Зоя.

– Красивая, молодая женщина имеет право на достойную жизнь.

– Кто красивая? Ты без косметики ее видела? Если окольцует Германа, получит сразу дом, виллу на юге Франции, яхту в Италии, там, говорят, целый корабль. У Феликса было денег не меряно... теперь они все у Германа.

– Завидуешь?

– В ее случае нет. Потому что у меня под боком спит такая же скотина.

– Вот как! А мне советовала отбить его?

– Ты, Белла, не Ритка, ты сама способна кого угодно в бараний рог скрутить... Ой, наконец! Феликса выносят. Идем в машину, а то у меня ноги сейчас отвалятся. Интересно, ко-

го следующего будем хоронить? Если Германа, то убил не он.

– Думаешь, еще кого-то убьют?.. – уже шепотом спросила Белла.

– Уверена. В нашем городе давно должно было что-нибудь подобное произойти. Феликс всех сдерживал. А теперь разойдутся. Жаль, мой всего лишь торгаш.

– Прекрати, – шикнула Белла, которой муж Зои надоел с одних только слов подруги.

Вынос тела сопровождался торжественной печалью. Четыре автобуса едва вместили желающих. Потом произносились пламенные речи а-ля «но пасаран!», потом тот же ресторан, где проходила свадьба с кровавым финалом.

Света и Герман принимали соблезнования, Марат вновь стоял с отцом, ожидая второй очереди обеда, когда останутся только близкие и друзья Феликса. Галина Федоровна находилась поодаль, гордо выпятив бюст десятого номера, и не глядела в сторону мужа и сына. Иногда Марата отзывала директор ресторана, о чем-то шепталась, удовлетворенная уходила. Утомившийся отец, вытирая пот с шеи платком, спросил:

– Чего суетятся?

– Обед заказан на меньшее количество человек, ошиблись числом.

– А, так это ж всегда так. Откуда взялись старики и старушки? Не знаешь? Есть такие, покойника в глаза не видели,

а на похороны приходят, чтобы поесть. Так-то. Но размах у Германа... царский.

– Да ладно, отец, не считай чужие деньги.

– Кажется, нас зовут. Я отошел уже. Не, ты прикинь, во где повезло ресторану: шикарная свадьба, а через несколько дней – шикарные поминки. Во наварят!..

– Папа, – с упреком произнес сын, качая неодобрительно головой.

Обед давно закончился, но перед рестораном еще стояли люди небольшими группами, беседовали, словно не хотели расходиться. Света держалась особняком, ждала, когда ее отвезут домой, то есть туда, где она теперь живет с Маратом. Подбежал незнакомый мальчишка:

– Тебя тетя спрашивает. Вон стоит у скамейки.

Света поспешила к матери Егора.

– Светочка, прости, у тебя такое горе...

– Ничего, ничего. Что случилось, тетя Лена?

– Присядем? Светочка... я не знаю, как сказать... но другого случая у меня может не быть... Извини, я волнуюсь. Ты, видимо, ничего не знаешь?

– Да говорите же!

– Егорку... посадили по подозрению в убийстве. Да, да, по подозрению... А он не убивал, ты же понимаешь? Егор любит тебя, он не способен... Я потом только узнала о его глупой выходке на твоей свадьбе. Ты ведь его знаешь, Света, он не мог это сделать. Да и где ему взять пистолет? Света, я

не упрекаю тебя, не сержусь, что ты отвергла моего сына, это твое право, но... прошу, помоги ему. – И она расплакалась.

– Пожалуйста, не надо... Что я могу сделать?

– Попроси, попроси мужа (при слове «муж» Света опустила глаза), попроси, чтобы он поговорил с отцом... Пусть ищет настоящего убийцу, а не вешает преступление на моего Егора. Я боюсь за него... Он у меня один... я не переживу...

– Успокойтесь, я все сделаю, – решительно встала Света. – Обещаю.

– Деточка, я никогда не забуду... Мы уедем из этого проклятого города... Ты веришь, что это не Егор?..

– Не сомневаюсь. Идите, тетя Лена, я позвоню.

– Спасибо, милая, я в долгу... Ты обязательно позвони.

Не попрощавшись, тетя Лена, очень привлекательная женщина сорока лет, уходила ссутулившись, будто придавленная чем-то тяжелым. Света направилась не к мужу, а прямо к свекру, сытому и краснорожему, которого от свиньи отличало, по мнению Светланы, лишь одно: ходит он на двух конечностях. У Светы сводило скулы от ярости. Даже не обратилась к нему по имени-отчеству, а сразу спросила:

– Можно вас? (Отошли в сторону.) Почему Егор? Почему?! (Свекор не понимал, выпятил нижнюю губу и морщил поросячий лобик.) Убил папу не Егор.

– А кто? – наивно поднял брови Леонид Гаврилович.

– Кто угодно, но не он. Отпустите его... – и выдавила: – Пожалуйста.

– Понимаешь, Светочка... ты зря на меня сердисься. Показания дали не в его пользу, вот такие абрикосы.

– Кто дал? Конкретно.

– Кто-кто!.. Охрана отца... Герман...

– Герман?!

– Да, и Герман. Они рассказали о стычке на свадьбе... Так что у Егора были мотивы...

– Не было! Слышите? Не было. И Марат давал показания?

– Марат отказался.

– Вы-то откуда знаете? Вы пьяны были...

– ...в свинью, – подсказал он. – Я ознакомился с делом, как-никак убит мой родственник, да мы всех похватаем, у кого есть мотивы...

– Угу, и первого схватили Егора?

– Светочка, не волнуйся так. Проверим. Докажет свою невиновность – отпустим.

– Вам докажешь!

Разгневанная Света поспешила отойти от свекра, ибо выносить его равнодушие не могла. Теперь очередь за Германом. С ним она шептаться не стала, занесло ее. На брата набросилась при людях:

– Ты... Как ты мог! Егорку объявил убийцей папы! Ты сам убийца.

– Светка, потише на виражах, – нахмурился он. – Никто Егора убийцей не объявлял. Думай, что несешь! Просто спрашивали, не появлялись ли посторонние...

– Не хочу ничего слышать! Это подло. Марат, поедем.

– Нас отвезет Герман... – вставил Марат.

– Не сяду я к нему в машину, – прошипела Света. – Такси поймай.

Галина Федоровна была в предобморочном состоянии. Если б не ее крепкие нервы, давно инфаркт получила бы, глядя на такую невестку. Она смотрела вслед сыну и Свете, думая: «Поперся за ней, как телок. Вот дурень... Достался же мой Маратик мегере в модных тряпках. Что делать?»

Герман постоял-постоял посреди гостиной в задумчивости, послонялся по первому этажу, зашел в зимний сад и бассейн – любимые места Феликса в доме – и поплелся к бару. Рита не произносила ни звука, понимала, что он во всех уголках видит отца, прощается с ним именно сейчас и именно здесь, а не среди могил. Он присел на диван, сосредоточенно уставился в бокал с коньяком. Последние дни Герман пил лошадиными дозами, пил и оставался трезвым как стеклышко. Рита сбросила туфли, под села к нему, забравшись на диван с ногами, растирала ступни.

– Кто? – спросил Герман у бокала, будто видел там, на дне, того, кто способен ответить.

Этот вопрос часто срывался у него вслух, он задавал его постоянно, днем и ночью Рита слышала: кто? Если бы знать ответ... Она стала гладить его по волосам, черным, как у Феликса, с ранней проседью, густым. Больше выразить сочувствие было нечем. Однако она постаралась увести его в сторону, отвлечь:

– Что со Светланой? Почему она так... нервничала?

Рита подобрала удачное слово, заменив грубое «хамила». Но Герман, перекатывая коньяк по стенкам бокала, ответил своим мыслям:

– Кто-то из них. Но кто?

– Ты меня не слушаешь, – огорчилась Рита.

– Ты о Светке? – очнулся он. – Пройдет у нее. Детский максимализм.

– Но у максимализма должна быть причина...

– Она была. Светка лишь сегодня узнала, что ее Егор сидит по подозрению в убийстве. Вот и взбунтовалась.

– Бедная девочка. А я плохо о ней подумала.

– Брось, это сейчас ерунда: Светка, Егор, мы... Все живы-здоровы, остальное приложится. А вот отец не приложится. И меня волнует одно: кто? Кто это сделал?

– Послушай, Герман, может, пусть лучше милиция занимается...

– Ты несешь чушь, – резко оборвал ее Герман. – Уж не Ступин ли будет искать убийцу? Щас, шнурки погладит. Небось обрадовался, сволочь.

– Не стоит так плохо думать о людях.

– Он мог и выстрелить, – не слушал Герман. – Вполне. Спал недалеко от кабинета... А если не спал? Если притворился, что накачался и спит?

– Герман, ты что говоришь? Это невозможно. Ну, посуди сам, как он мог убить отца девушки, на которой женился его сын? Да еще на свадьбе? Он не стал бы рисковать своим положением, слишком много народу было вокруг, опасно и неразумно с его стороны стрелять.

– Ты знаешь, что такое «беретта»?

Герман впервые за время, что они остались вдвоем, по-

смотрел на Риту. В черных глазах ясно читались упрямство и гордыня. Нет, он не остановится, он попрет напролом и до конца.

– Нет, – сказала она. – А что такое «беретта»?

– Пистолет. Ствол. Пушка, – пояснил он, отхлебнув из стакана. – Относится к лучшим в мире маркам. Made in Италия. Хорошего качества, практически не дает осечек. Возможно, врут, но осечки не было и на этот раз.

– Не пойму, к чему ты заговорил о пистолете?

– Пуля из «беретты» убила отца.

– Откуда ты знаешь?

– Не трачу даром времени. Экспертиза установила, эксперт меня и просветил за бабки. А знаешь, сколько этот пистолет стоит?

– Откуда мне знать?

– Очень дорого. В нашем городе вряд ли его можно купить. Так вот, Рита, к чему я... Егору приобрести такую игрушку не по карману, думаю, он вообще не в состоянии купить даже газовый пистолет. А кто в городе разбирается в оружии? Кто мог достать или, к примеру, конфисковать классную пушку? Ответ прост: менты. Они и стрелять умеют, экзамены сдают по стрельбе. Да чтобы так точно попасть, надо набить руку. Поэтому у меня первый в списке – Ступин, главное мусорное ведро в городе. С отцом у них – кстати, о поводе – давняя вражда.

– А я именно по этой причине думаю, что ты ошибаешься.

Надо быть полным кретином, чтобы убить Феликса, имея до свадьбы стаж вражды.

– Он как раз и рассчитывает на таких, как ты, мол, на него не подумают. Потому и зацепился за Егора. Если б я тогда знал, к чему приведет дача показаний, я бы не упомянул парня. Впрочем, все, что ни делается, – к лучшему.

– Хорошо. А доказательства? Чтобы обвинить человека в таком страшном преступлении...

– ...нужны доказательства, – закончил Герман. – Знаю, кино смотрел, книжки читал. Я их добуду, даже если мне предстоит потратить на это всю оставшуюся жизнь.

– А если не Ступин стрелял? Ты будешь тратить жизнь, а настоящий...

– Сколько раз тебе повторять: я не идиот! – рявкнул Герман. Рита поджала губы, отвернулась, он же с маниакальным упорством долдонил: – Я же говорил: Ступин один ИЗ! Сейчас главное вычленил тех, у кого был хотя бы мизерный повод, а потом проверять, искать проклятые улики! Видишь, я не заикнулся на Ступине. Почему молчишь?

– Потому что мои доводы вызывают у тебя агрессию.

– Рита, ты обиделась? – Он обнял ее, положил подбородок на плечо. – Прости, родная. Я в таком состоянии... ты должна понять...

– Я ведь хочу как лучше, чтобы ты не блуждал зря в дебрях.

– Знаю, милая, знаю, – Герман чмокнул ее в щеку, шею,

плечо. – Я постараюсь не блуждать. Мне до того скверно... и не получается напиться. Я почти не сплю. Или сплю, но слышу звуки вокруг – часы, шелест листьев, твое дыхание, – они отдаются внутри почему-то громче, чем наяву. И постоянно вижу отца на ковре, его лоб. Сегодня его лоб прикрыли бумажной лентой, но знаешь, Рита, я все равно видел сквозь надписи на ленте дыру в голове моего отца! – последнюю фразу он выкрикнул, вскочил на ноги, заходил по комнате. – Пойми, не будет мне покоя, пока я не найду стрелка! Я не знаю, что он испытывал, когда стрелял, за что убил, но ни одна причина не стоит жизни человека, ни одна.

– Вот-вот, – поймала его на слове Рита. – А ты хочешь найти его и убить.

– Хочу, – остановился Герман и вдруг обнаружил нечто такое, что его поразило. – Только не знаю, смогу ли убить. Я представлял себя на его месте... ну, с пистолетом в руке... Должно быть, это непросто. Черт его знает, может, если я буду стоять напротив конкретного человека и буду уверен на двести процентов, что передо мной он... Да, я хочу его убить. Хочу.

– В тебе сейчас говорят боль, горе, обида. Мне понятно, что ты чувствуешь, но, Герман, ты же не сыщик. Боюсь, ты наломаешь дров. Найми настоящего детектива, профессионала. Не доверяешь нашим – поезжай в другой город, поговори с оперативниками, они подскажут к кому обратиться. Только не занимайся самодеятельностью, мне страшно за те-

бя.

– Ладно, так и сделаю, – неожиданно легко согласился он. Рита обрадовалась, что смогла наконец переубедить его, но следующие фразы ввергли ее в уныние. – Но сначала попробую сам. Не получится, тогда найму... этого... как ты сказала?

– Сыщика, – проворчала Рита.

– Ага, его самого. Смешное слово – сыщик. А знаешь, Рита, я совсем недавно обнаружил, что каждое слово очень точно определяет то, что оно обозначает. Вот смотри: выстрел. Слово емкое, короткое, ударное. Или – смерть. Оно короче «выстрела», но не ударное, а какое-то обтекаемое, неуловимое, как и сама смерть, она есть, но ее нет, ты не можешь ее пощупать, только ощущаешь.

– Герман, ты свихнешься.

– Нет, нет, что ты! – отмахнулся он. – Я люблю жизнь настолько сильно... в дурдоме влачить ее не собираюсь. И отец любил, в этом мы похожи с ним. Последнее время меня тянет к философскому смыслу в словах...

– Скорее к филологическому разбору частей речи, – вздохнула Рита.

– А это мысль...

Герман пошел к лестнице с загадочной улыбкой, Рите показалось, что он действительно слегка тронулся. Она привстала с дивана:

– Ты куда?

– Хочу записать кое-какие мысли. Буду записывать, чтобы не забыть, не упустить детали... – и вернулся. – Послушай меня, Рита, только внимательно. Я буду записывать в тетрадь все, что обнаружу, если вдруг со мной случится непредвиденное...

– Боже мой, Герман, ты пугаешь меня!

– Тихо, тихо. Все мы, как говорится, под Богом ходим. Рита, я доверяю только тебе...

– Лучше не надо, боюсь, я не оправдаю твоего доверия...

– Ты самая замечательная. – Герман поцеловал пальцы Риты, приложил ее ладонь к своему лбу. – Дай слово, если со мной что-нибудь случится, ты передашь записи в прокуратуру, но не в нашу, а повыше. Хорошо? Дай слово, я знаю, ты его сдержишь. Пожалуйста, Рита...

– Даю, – недовольно вздохнула она.

– Я буду хранить записи...

Она не вслушивалась в бред, который шептал Герман. Дом и так пуст, кого бояться, ведь подслушивать некому. Тревожила одержимость Германа, граничащая с умственным расстройством. Рита ужасно устала от него. Тем временем Герман очутился наверху, спросил, задержавшись по пути в свою комнату:

– Ты не помнишь, кто снимал свадьбу?

– Два оператора с телевидения, их постоянно приглашают снимать торжества...

– Этих я помню. А еще кто? Камеры у многих были.

– Я не всех знаю. Андрей снимал, наш шеф-киприот, низенькая брюнетка... А тебе зачем?

– Да так, хочу посмотреть, может, обнаружу интересные моменты. Я у себя.

Оставшись одна, Рита упала на диван навзничь, совершенно расстроенная. Высокий потолок с лепниной навис, листики, цветочки и люстра качались и, кажется, готовы были обрушиться, раздавить. Оно бы и к лучшему, избавилась бы от всех проблем разом. Риту давили события, невозможность освободиться от них. Не пойдя она на свадьбу или хотя бы вовремя уйди... И что было б? Все равно примчалась бы опекать Германа, это ее крест. Перебирая в памяти этапы развития отношений с ним, Рита пришла к выводу, что она и есть самая настоящая дура.

8

В это время Андрей остановил машину у дома, выжидающе замер, покосившись на мать, но та не двигалась, не моргая, глядела перед собой невидящими глазами и напоминала памятник великому учителю. Тем не менее он уловил тоску смертную, веющую от матери. На ум пришла песенка: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» Это матери явно не удалось.

– Мама, приехали, – напомнил он.

Не отрывая взгляда от лобового стекла, она произнесла тихо, обреченно:

– Конец – делу венец.

– О чем ты?

– Обо всем. – Кира Викторовна встрепенулась и перевела взгляд серо-голубых глаз с маленькими точками зрачков на сына. – И какие же у нашего отца дела в администрации на ночь глядя после похорон?

– Сейчас только пять часов, – вступился за отца Андрей, – а дел у него, особенно теперь, великое множество. Он является главой фирмы...

– Знаю я нашего главу, – презрительно фыркнула Кира Викторовна. – Ему лишь бы не дома находиться. Думает, я в неведении, тоже мне – школьницу нашел! Знаю я все!

– Что именно?

– Про любовниц его, – просто сказала мать, словно речь шла о проказах ученика, однако потупилась, на щеках вспыхнули алые пятна.

– Перестань, – рассмеялся Андрей. – Какая-то мерзавка из «училок» влила тебе в уши сплетни, а ты веришь. Не похоже на тебя, мама.

– Это ты перестань. Они вдвоем с Феликсом устраивали валтасаровы пиры. И ты об этом знаешь, и я, и все в городе. Грязь – она ведь выходит наружу.

Андрей пожал плечами, дескать, лично я ни в зуб ногой про пиры. А она ждала, что скажет сын, пристально изучая его, как на педсовете, отчего ему стало неуютно. Возможно, надо продолжать уверять ее в обратном, целовать крест с клятвами попеременно, что все это пустые слухи, приласкать... Стоп! Мама не признает нежности-слащавости, она человек из гранита. Она из тех, кто, делая сказку былью, так долго и трудно шел к цели, что заблудился в пути, да и забыл нечаянно о своем предназначении. Теперь, не гнушаясь никакими средствами, превращает сказку в кошмар, но упрямо считает, что стоит на верном пути. Андрей до сих пор чувствует себя ягненком перед ней, должно быть, как и отец. Это происходит нечасто, однако происходит, вызывая протест. Вместо теплых слов он жестоко хлестнул ее:

– А чего ты хотела? Если б не давила на него, не устраивала разборки по поводу и без, глядишь – он бы и не задирали юбки на стороне.

Грубо. Пожалел о сказанном. Мать дернулась, как будто ее ужалили. На ресницах повисли слезы, задрожали, быстро-быстро скатились по щекам, упали на юбку. По всему видать, слез оказалось много, и копились они годами. Но голос ее звучал ровно:

– Выходит, виновата я?

– Мама! – с мягким укором сказал Андрей. – Я не знаю, кто из вас виноват и почему вы из дома устроили развед-центр, подозреваете друг друга, оскорбляете одним видом, взглядом, разговариваете, как шпионы, недомолвками и намеками. Прости, но с тебя как с женщины спрос строже. Школу надо, мама, оставлять в школе, а ты и дома директор.

– Выходит, все же я.

– Опять двадцать пять! Ты даже сейчас, когда мы откровенны, говоришь с обидой и несогласием. Так мы не договоримся, разговор наш превратится в бессмыслицу. Я высказался с одной целью, чтобы ты подумала и немного смягчилась, что ли... Ты ведь хочешь поправить положение? Но, не прислушиваясь, ты не сможешь этого сделать.

– Пойдем, выпьем чего-нибудь? – неожиданно предложила она.

– Разве что кофе, – с неохотой согласился Андрей, ибо беседа по душам с матерью – зря потраченное время.

Родителей не выбирают. Если бы это было возможно, Андрей в момент зачатия попросил бы Боженку дать ему других родителей – попроще, помягче, поспокойней. Он был

красивым ребенком, в белых кудряшках, но мать несколько не умилял ангелочек, напротив. Красивый? Значит, надо по-строже с ним, никаких сюсю, а то вырастет бездушным. А бездушной оказалась она. И боже упаси ей сказать: вы, тетя директор, ни хрена не понимаете в педагогике, вы не дали родным детям элементарной вещи – любви, возрадив тем самым в них массу комплексов, теперь они мало интересуются, как вам живется. Вы слишком рьяно заботились о тетрадях и контрольных, а на двадцатом месте у вас стояла семья, которой, как вы считали, достаточно дать еды, обувь-одеть. Вы делали себя по какому-то идиотскому шаблону, засевшему в вашей голове, шаблон прирос намертво, вас лично за ним не видать, вы срослись, как сиамские близнецы. А еще вы пожинаете плоды, которые сами культивировали. Андрей никогда ей, заслуженному учителю России, этих слов не скажет, а то она оскорбится до гробовой доски. Раньше он ее жутко боялся, боялся без причин, она внушала священный ужас, как стихии природы внушают ужас дикарям. Однако, взрослея, наблюдая за отцом, который вел двойную жизнь, Андрей приспособился к обоим, научился лавировать между родителями, достигать собственных целей. И прежде всего научился сосуществовать с мамой. Закрылся от нее броней, форму общения избрал ироничную, причем вначале интуитивно так получилось, но он заметил, что мать перед ней пасовала. А не такая уж она могущественная, понял Андрей. В самом деле, чего ее бояться? Не убьет же. Даже когда она

кричала на него или досаждала изнуряющими нотациями, он чувствовал в ней слабинку, а себя победителем. И не заметила она, как сын полностью вышел из-под контроля, стал абсолютно самостоятельным. Да, его не повело по дурной дорожке, что ж, в этом заслуга матери, которой Андрею страшно хотелось доказать: я лучше, чем ты думаешь. Ни откровений, ни душевных бесед с ней он не вел, все равно все кончится наставлениями, а это сильно портит нервную систему.

Расположились на кухне. Еще одна маленькая деталь, говорившая о многом: кофе с коньяком пили на кухне, а не в столовой, где и положено пить-есть, или в гостиной, по-домашнему, нет, чистота – вещь трудоемкая, ее надо беречь. Собственно, кофе Андрею не хотелось, коньяка тем более. Заинтриговала его необычность в поведении мамы. Во-первых, она впервые в жизни расквасилась при нем, сыне! Во-вторых, необычно прозвучало приглашение – просительно, а мать умеет только распоряжаться и требовать. Короче, в Андрее разыграло любопытство, чего ей нужно от него? Итак, они пили кофе. Глоток кофе, глоток коньяка... Прошло минут десять. У Андрея помимо воли лицо трансформировалось в немой вопрос.

– Как ты думаешь, – наконец заговорила Кира Викторовна, – кто Феликса застрелил? Не мальчишка же, в самом деле.

«Не по этому поводу позвала», – подумал Андрей, но почин он решил поддержать:

– Сейчас, мама, над этим ломает голову вся милиция нашего любимого города.

– А каковы причины? Из-за чего его могли убить?

– Знал бы причину, назвал бы убийцу. А вообще, причин может быть миллион. Денежный мешок – это всегда отличная мишень. Могли убить из мстительной зависти, к примеру, чтобы деньгами больше не пользовался.

– Какой кошмар ты говоришь!

– Это жизнь, мама, а она не поддается математике, ее не считаешь.

– У тебя лично есть какие-нибудь версии?

– Только гипотезы, а они, мама, разнятся с версиями.

– Андрей... я наблюдала за тобой на свадьбе и... сегодня... – Мама почему-то растягивала слова. – Скажи, тебе нравится девушка Германа?

Так, уже ближе, но она не за этим его пригласила.

– Нравится, – сознался он, чем поставил ее в тупик. Она всегда оказывается в тупике, когда ей выкладываешь правду в лоб. Видимо, привыкла к школе, где юлят и выдают ложь или полуправду, а она тогда приступает к допросу с пристрастием.

– Понимаешь, сын, ты слишком откровенно на нее смотрел, это унижительно.

– Я так не считаю.

– Но она девушка Германа.

– Ну и что? Была его, станет моей.

– М-да... нынче у вас все сдвинулось, элементарные приличия не соблюдаете. Тебе не противно, что она с ним спит, а ты за ней волочишься?

– Мама, – Андрей при его всегдашнем спокойствии начал заводиться, – когда она будет спать со мной, я не позволю ей спать с Германом. Все понятно?

– Ты циничен. – Помолчали. Отхлебнули кофейку. – Она хоть из приличной семьи?

– Что ты называешь «приличной семьей»? Порядочность? Нет ли у них алкоголиков в роду? Место работы и доход?

– В сумме.

– Мам, так не бывает. Есть порядочность – нет дохода, есть доход – нет порядочности. В наше время только так.

– Ясно, – с неудовольствием произнесла Кира Викторовна, но в бутылку с нравоучениями не полезла. – Ты хоть не собираешься на ней жениться?

– Собираюсь.

– Зачем лезть на рожон? Возникнут неприязненные отношения с Германом...

– У нас они давно возникли, подумаешь!

– Ну почему ты в эту девушку уперся?

– Слушай, а тебе знакомы такие понятия: люблю – не люблю?

Удар достиг цели. О любви в их доме не могло идти речи. На склоне лет Кира Викторовна поняла, что упустила в жизни нечто важное, а упущенного не наверстать. Петр

Ильич в свои пятьдесят три был хоть куда, а она в пятьдесят – никуда. Лучшие годы остались позади, старость подползает, гадюка, подкрадывается. Петр Ильич о болезнях не думает, так, давление подскочит, на погоду сонливость приходит, она же имеет набор заболеваний, что поделать – труд педагога нелегкий. А как жить дальше? Страшно задуматься, тем более когда муж всякий раз норовит из дома сбежать. Тайные мысли матери Андрей прочел в ее узких зрачках, да, там основательно поселился страх за будущее. Правда, она нашла в себе мужество задавить уязвленное самолюбие. Ее задача – наладить отношения с детьми, оторвать их от мужа, в этом она видела определенную долю мести, иначе на Андрея посыпалась бы гряда упреков, под которой можно задохнуться. Думая о своем, Кира Викторовна сказала:

– Ты не знаешь, как быт меняет людей. Особенно неустроенный быт.

– Где ты это прочла? В школьном учебнике? – рассмеялся он. – С чего ты взяла, что у меня неустроенный быт? Я, мама, занимаюсь мукой! Поставки, продажа... У меня акционерное общество «Колос», которое снабжает хлебом город и округу. Даже если я захочу разориться, не получится. Хлеб всегда будут покупать, и любого качества. У меня, правда, небольшая квартира, всего сто квадратных метров, но мне одному пока хватает.

– У тебя была жена, она не против, если ты вернешься. – Кира Викторовна намеренно не обращала внимания на иро-

ничный тон сына.

– У меня была не жена, а змея, которую ты мне подсунула, и о возврате не может быть речи. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

– Есть ребенок, – напомнила мать.

– Признаюсь честно, я к нему равнодушен. Ну, здесь я полностью оказался твоим сыном, – снова ударил ее Андрей. – Я беру его к себе, чтобы досадить бывшей змее.

– Ты циничен.

– Уже слышал это сегодня от тебя же. Я продукт своего времени и семьи.

– Андрей! Ты превращаешься в отца!

Не выдержав прессинга, хотя давить пыталась она, мать жалобно всхлипнула. Оказывается, и в граните саднит душа. Андрей не злорадствовал, нет. С одной стороны, он жалел ее, это все-таки его мать. С другой стороны, не мог уважать человека, растратившего жизнь на фетиши, человека, который создал своими руками атмосферу неприятия и нетерпимости. Получилось: сестра рано выскочила замуж и уехала, лишь бы быть подальше от нее, попросту – убежала из дома; младший брат рванул в военное училище – тоже протест против домашних оков, а ковала их мать. Оба не любят приезжать домой. Но вот настало время, когда она нуждается в помощи, сочувствии.

– Отвези меня к отцу. Сейчас же!

Настала очередь Андрея подскочить:

– Мама! Ты унизишься до слезки за отцом?

– Да! Унижусь! – закричала она со слезами. – Хочу посмотреть, чем он там занимается в такое время. И мне странно, что ты, мой сын, не понимаешь меня.

Вот она, истинная причина, которую высказать не хватало духа, мешала гордыня. Мать выскочила первой, не глядя на сына, ее мучил стыд.

Отца не оказалось на месте. Отбыл в неизвестном направлении. Андрей вез мать, она сидела рядом, бледная и напряженная. «Плохо выглядит, – подумал он. – Климакс, наверное».

Отец Риты был инженером, мать – заведующей библиотекой, единственную дочь они не баловали, так как на их зарплату не разгуляешься, а еще точнее сказать, оба были достаточно умными, чтобы растить из дочери достойного человека. Всем известный постулат «принимают по одежке, провожают по уму» в их семье был взят за основу, ведь провожают-то все равно по уму. Риту окружали два жизнерадостных, энергичных человека. В доме – только необходимое, ничего лишнего. В советское время родители предпочитали не комод купить, а отложить денег и посмотреть мир. Правда, тогда мир ограничивался Союзом, путевки за рубеж стоили, может, и недорого, но достать их было трудно, затем массу проверок следовало пройти на «политическую надежность», а уж семьей выехать – ни за что! Однако то, что называлось Союзом, имело колоссальные размеры, и острой нужды в зарубежье семья Риты не испытывала. Домбай, Крым, Байкал, Памир, Закавказье – невозможно перечислить места, где они побывали. Рита жила в палатках, купалась в горных реках, ездила на лошадях, покоряла ледники, конечно, не очень высокие. А потом приезжала домой и с друзьями во дворе делилась впечатлениями. Странно, девочки с золотыми сережками в ушах завидовали ей, прикрытой дешевыми тряпками, часто с чужого плеча. На Алтае, где они провели целое

лето, древний старик научил ее долгое время оставаться под водой, задерживая дыхание на несколько минут. А точнее, при плавании под водой – на четыре минуты, а без движений под водой – на шесть! Умение демонстрировалось на речке, время засекали ребята секундомером, а Рита погружалась в реку и считала. Главное – привести в полный покой душу, как учил старец. Замечательное время было.

Но вот обрушились перемены. Путешествия заменила нищета. Рита поступила в университет на философский факультет, отлично училась. И вдруг разразилась катастрофа. Ситуация оказалась заурядной, собственно, никого ею не удивишь. На заводе, где работал отец, появилась в качестве директора моложавая и хваткая особа, положившая глаз на видного мужика. Директор завода это: дом полная чаша, отдых не в палатке на Алтае, а в пятизвездочных отелях за границей, машина. У них же дома – каша на завтрак, обед и ужин, дыры на подошвах, долги. Отец сломался, ушел из семьи. Конечно, главное оправдание отца – любовь, дескать, без нее жизнь не та. Может быть, он прав, но... обидно.

Мать ни разу не показала дочери боль, Рита только догадывалась о размерах ее страданий по запаху валерьянки в доме и потухшим глазам, сама переживала. От встреч с отцом отказывалась, и от денег, которые он предлагал ей. Если ему удавалось поймать Риту, она вела себя крайне холодно. Что поделать, он-то и воспитывал в дочери чувство собственного достоинства, нетерпимость к подлости и преда-

тельству. Неожиданно умерла бабушка, Рита как раз заканчивала университет. Мама получила в наследство двухкомнатную квартиру, и на домашнем совете обе решили уехать, а свою квартиру продать. Да, жизнь предстояло начать заново, а значит, от прошлого не стоило оставлять ничего. Перед отъездом пришел отец. Он приобрел солидный вид, раздобыл, но не был счастлив. Мама встретила его как чужого, но, несмотря на холодный прием, он просил прощения и... хотел вернуться.

– Ты сделал выбор несколько лет назад, мне выбора не оставил, – сказала мама.

– Значит, нет? – омрачился он.

– Нет, – твердо сказала мать.

Больше Рита его не видела. Переехали в другой городок. Он хоть и небольшой, но приятный, зеленый, кстати, мама родилась здесь, росла, имела друзей. Она немного ожила, а вот Рита столкнулась с чудовищными проблемами. Начался изнурительный поиск работы. Кому нужен философ в городке, где всего около трехсот тысяч жителей? Естественно, в наше время – никому. Можно преподавать в высших учебных заведениях, и таких парочка имеется, но места там давно разобраны, преподаватели держатся за работу зубами.

– Устроишься, – убеждала мама. – И знаешь, что мы сделаем? Оденем тебя, как куколку! Все-таки встречают-то по одежке.

Девиз «ничего лишнего» сохранил в целости деньги от

проданной квартиры. Они приобрели швейную машину с множеством операций, накупили тканей, у знакомой взяли кипу журналов. Целыми днями кроили, отмеривая вместо семи раз двадцать семь, и строчили. Вскоре у Риты появилось много «лишних» вещей, она научилась шить, а мама до сих пор берет заказы у знакомых. Ну, действительно, зачем тратить деньги на готовую и плохого качества одежду с бархотки, когда можно одеться в эксклюзивные вещи? Серьезно потратились лишь на обувь и сумки, но эти предметы не выполнишь кустарным способом. Одна добрая душа посоветовала обратиться в совместное кипрское предприятие, туда требовался референт. Рита предстала пред очами главы фирмы не замученной трактатами Макиавелли и Канта философией, а преуспевающей, уверенной в себе леди. Она прекрасно владела компьютером, а знание английского и немецкого (немецким с ней занималась мама с детства) решило судьбу конкуренток, приняли Риту, которая к тому времени успела и курсы референтов закончить. Осталось диплом о философском образовании повесить в сортире и ходить с гордо поднятой головой, потому что работаешь в фирме, которая выпускает картонную тару! Бред? Нет, реальность.

В офисе она познакомилась с Германом. Он вошел, а ее словно кипятком обварили. Зато он заметил ее со второго взгляда, а именно на банкете по случаю дня рождения шефа-киприота. На том же вечере присутствовал и Андрей, который тоже произвел впечатление на Риту. Оба оспаривали

ее внимание, она была в полной растерянности, однако предпочла Германа, а ведь ее предупреждали:

– Куда ты лезешь? Он же бабник, избалован и нагл.

В таких случаях женщины приводят ошибочный, но самоуверенный довод: это было до меня, со мной он станет другим. Растеряв последние мозги, Рита ночь провела у Германа. Она не была девой в полном смысле этого слова, еще в университете у нее случилось два романа, скорее из любопытства, но глубокого следа в ней они не оставили. С Германом произошло все иначе, проще и сложнее одновременно. Она влюбилась, как последняя дура. Его бесшабашность, неумный темперамент, любознательность, умение удивляться и удивлять подкреплялись веселым нравом. Однако Герман оказался еще и ревнивым, вспыльчивым, обидчивым, из-за чего возникали ссоры, а после ссор он забывался в объятиях других. О, сколько Рита пролила слез тайком, давая себе клятву, что выкинет его из головы. Но при полном отсутствии серого вещества – там поселился один Герман – это оказалось ей не под силу. Он просил прощения, да как! Рита переступает порог квартиры, а у дверей одиноко лежит букет; Рита приходит на работу, а на ее стуле лежит букет; почтальон приносит посылку, а в ней цветы! А стояние на коленях? Она выходит из подъезда и видит машину Германа, его самого на коленях с выражением шутливой мольбы в глазах. Простите, кто же устоит? Были упреки, слезы, поцелуи... И снова Рита говорила себе:

– Это последний раз. Он все понял.

За последним разом был еще раз, еще... и вот к чему это привело. Сначала она ужасно хотела выйти за него замуж, затем желание постепенно уменьшалось, пока не пропало во все. Последняя история поставила окончательный приговор: он никогда не изменится. В душе образовалась пустота пополам с горечью. На этот раз, выйдя из СИЗО, Герман не забрасывал ее цветами. Идя на работу или возвращаясь домой, Рита видела его автомобиль у своего дома, знала, что он сидит там за темными стеклами, но даже не смотрела в его сторону. Однажды автомобиля не оказалось на привычном месте, а вот Герман вырос у нее на пути:

– Рита, давай поговорим.

– Не о чем нам говорить, – попыталась она обойти его.

– Погоди, – он не дал ей уйти. – Пожалуйста, выслушай...

– Убирайся! – четко, с ледяным спокойствием сказала Рита.

та.

Он ушел. Рита, как ни странно, уже не испытывала горечи потери, она смирилась с невозможностью быть вместе. Но ее в покое не оставили. Перед свадьбой Светланы к ней домой пожаловал сам Феликс и очень просил «поприсутствовать» на торжестве в качестве подруги его сына. Она заявила:

– Вы извините, но я не хочу быть ширмой вашему сыну.

Я понимаю, мое присутствие должно дать понять всем, что грязной истории не было. Но она была, я не помогу укоротить злые языки. А меня вы выставите в некрасивом свете.

К тому же между мной и Германом ничего больше нет.

Феликс терпеливо слушал, затем со свойственной ему убежденностью сказал:

– Ты не права, Рита. Я пришел к тебе без задней мысли. Герман любит тебя, я полагал, что и ты его любишь, он очень переживает и раскаивается. Ты права, он слишком часто злоупотреблял твоими чувствами, играл на них. Но я надеюсь, что сейчас он кое-что понял, ведь заплатить за его бездумность пришлось дорогой ценой, кстати, не ему. Я хочу помирить вас. Ему нужна такая женщина, как ты, которая сможет обуздать его.

– Обуздать? – Рита скорчила гримасу обиды. – Обуздать – это насилие, а я полагала, что между двумя любящими людьми насилия быть не может.

– Мне очень сложно рассуждать на эту тему, Рита. Я любил только одну женщину, мать Германа и Светланы. Да мне и некогда было задумываться над сложностями человеческих отношений, я положил много сил на достижение своих целей. Во все тяжкие пустился позже, когда умерла жена, когда поставил дела на должный уровень. Я знаю, большинство людей меня ненавидит, а за что? Да, я сумел создать достойную жизнь себе и детям, сумел кое-чего добиться, что в этом плохого? Я затратил столько сил и здоровья... что и вспоминать нет желания. Но меня называют вором, негодяем, мафиози. А кто называет? Кучка лентяев. Что ж они не наворовали в свое время? Ума не хватило? Сообразительно-

сти? Или чего?

– Просто вы один из немногих, кто оказался в нужном месте в нужное время. Здесь не понадобилась особая сообразительность, а всего-то практичность, чтобы подобрать то, что плохо лежало.

Феликс тогда поднял черные брови вверх, словно видел Риту впервые. Не в ее характере рубить правду-матку, как раз Рита тем и нравилась ему, что отличалась тактом, мягкостью.

– Что вас так удивило? – спросила она, ибо пауза оказалась неприятной.

– Ты умная девушка, – разочарованно произнес он, чем немного ее насмешил. – Впрочем, теперь я понимаю, почему Герман так привязался к тебе. Но, поверь, Рита, ум не всегда бывает достоинством.

– Я не хотела вас обидеть, извините.

– Извиню, если увижу тебя на свадьбе с Германом.

– Нет, я не могу, – твердо сказала Рита.

– Хорошо. Тогда пойдем другим путем. Ты ведь фактически работаешь у меня. Работа не пыльная, высокооплачиваемая, другую такую в нашем городе ты вряд ли найдешь.

– К чему вы клоните? – насторожилась она.

– Ты прекрасно меня поняла, ты же не глупая.

– Ах, вот как! Значит, если я не соглашусь, вы найдете повод уволить меня? (Он улыбнулся.) Сурово. Да, это серьезная угроза. И поскольку я действительно вряд ли найду ра-

боту, особенно если вы об этом позаботитесь, мне остается принять приглашение, к сожалению.

– Спасибо, Рита, – он поднялся, чтобы уйти.

– Надеюсь, это единственная просьба такого рода?

– Надейся.

– Скажите, а вы не станете меня заставлять выйти замуж за Германа?

– Если этого захочет мой сын, я, Рита, найду способ тебя уговорить.

Он уже переступил порог, когда она не удержалась и бросила упрек:

– Феликс Георгиевич, вы распустили сына.

– Мне обидно такое слышать, но ты права. Меня можно понять, я люблю своих детей и хочу им счастья.

За счет несчастья других? – хотелось крикнуть ей, но не крикнула. Ее, честно сказать, напугал Феликс. Тогда она почувствовала его силу, способную смести все на своем пути, уничтожить и спокойно продолжать жить, удивляясь, почему его ненавидят. Больше всего она боялась встречи с Германом, да еще на протяжении трех свадебных дней. Боялась, что дрогнет, не устоит, опять все вернется на круги своя. И вернулось. Она снова с ним. Насколько его хватит? Годы бегут, а что потом? Ей уже хочется не бешеной любви, а простого бабьего счастья: мужа, детей, цветов в горшках на окне, готовить обеды... Так просто и так недостижимо. Андрей... Да нет, не надеется она на семейную идиллию с ним, просто

это способ отстранить Германа, чтобы не донимал ее.

Стало совсем темно. Рита поднялась к Герману, тот строил что-то за секретером. Вдруг Риту обдало холодной волной: окно было открыто настежь. Она судорожно задернула шторы:

– Пожалуйста, очень прошу, задерживай портьеры!

– Ты что?.. – оторвался он от писанины, изумленно подняв брови. – Душно же.

– Я прошу тебя, пусть будут окна закрыты. Есть кондиционеры.

– Ну, хорошо, пусть... Иди ко мне, ты дрожишь.

– Это чисто нервное.

Герман губами касался ее лица, шеи... Ее бросило в жар, тело становилось безвольным. Она знала, что через минуту вернуться и воля, и сила, убегут сомнения далеко-далеко, и появится уверенность, что так будет вечно. Вечно? Неправда. «Господи, что мне делать?» – подумала Рита. Молчание. Кругом одно молчание...

Марат посоветовал Свете нанять адвоката, чем удивил ее и настроил на более дружелюбную волну. Но что Света понимает в адвокатах? Тогда он взял на себя эту проблему, которая отвлекла ее от ужасной смерти отца. Она перестала чураться Марата, охотно говорила с ним, правда, тема была одна: Егор. Света ужасно не любила свое имя. Нет в нем ни красоты, ни очарования, а уж «Светуля» или «Светик» звучит просто отвратительно, почти как Фрося. Марат учел замечание и придумал другой вариант: Светильда, что так созвучно именам сдержанных и холодных героинь скандинавских саг. Правда, образу скандинавок Света не соответствует, скорее, походит на шустрого подростка с наивно-детским выражением лица, а челка вообще сбрасывает еще несколько лет, да и со сдержанностью у нее большие нелады. Но Светильда звучит неплохо.

Марат выглядел рядом с ней взрослым и по-отечески терпимым, относился к жене, как к ребенку, из-за чего у Светы случались мимолетные вспышки гнева, смешившие его. Находясь в отпуске, он занялся только Светой и делом Егора. Адвокатом оказался его знакомый, которому можно было доверять, Марат пригласил его домой, познакомил с женой. Свете Федор (в быту – Федя... Света, Федя, Коля – придумали же люди имена – ни в какие ворота) не понравился. Стар-

ше Марата лет на пять, а внешний «груз прожитых годов» тянет на все пятьдесят, взгляд замыленный, спесь графа, разговаривал со Светой... как будто она из третьего класса школы для умственно отсталых. А делать нечего, может, адвокаты все такие, откуда ей знать? К концу следующей недели Федор собрался знакомиться с подзащитным, выбил свидание и для Светы, но в присутствии Марата, опасющегося за состояние жены, когда она попадет в следственный изолятор.

Наступил день свидания. Свету била мелкая дрожь. Лязгали запоры. Темные и мрачные помещения окатили их липкой сыростью. Егора привели осунувшегося, подавленного. Она, с трудом сдерживая слезы, пролепетала:

– Егор, это твой адвокат... Он задаст тебе вопросы...

Егор отстраненно оглядел всех и спросил:

– Ты веришь?

– Я? Нет! – догадалась она, о чем он спросил. – Я знаю, это не ты...

– Значит, так, лирику в сторону, – перебил ее Федор. – Обстоятельства дела я знаю, теперь ответь, где ты был с девяти до одиннадцати вечера?

– Меня уже об этом спрашивали, – угрюмо сказал Егор.

– И не раз еще спросят, – «успокоил» его Федор. – Видел тебя кто-нибудь в этот отрезок времени? Знакомых ты встречал?

– Нет.

– Ты пришел домой около одиннадцати, где же был все-

таки?

– По городу гулял, – пожал плечами Егор.

– Ты, парень, зря недооцениваешь ситуацию. Нам нужны свидетели, которые встретили тебя, говорили с тобой. Иначе как докажем, что убил не ты?

– Пусть докажут, что убил я.

– Послушай. – Федор смотрел на Егора, как на больного. – Знаешь, сколько тебе светит за убийство?

– В камере просветили.

– Так помоги себе и мне. В нашем городе живет половина родственников, половина знакомых. Не может быть, чтобы ты гулял теплым вечером в предвыходной день и никого не встретил.

– Не расскажу, – отрезал Егор.

– Даже так? – усмехнулся Федор, слегка поразившись недоверию парня. – Значит, свидетели все-таки есть?

– Да, – неохотно сказал юноша.

– Кто? Выкладывай, не бойся. (Тот молчал.) М-да... Я ведь дорого стою. Светлана и Марат оплачивают защиту, твоя мать не в состоянии нанять адвоката. Конечно, если ты захочешь, тебя будет защищать государственный адвокат бесплатно. Но не советую пользоваться его услугами. Бесплатно теперь только птички чирикают.

– Егорка, пожалуйста... прошу тебя... – лепетала Света.

– Свидетелей можно купить. Особенно сейчас, когда у людей переверот в мозгах, – упрямылся Егор.

– Мой юный друг, если твои свидетели дерьмо, то их купят, когда пригласят на суд, когда они по коридору будут идти, в сортире на толчке сидеть, где угодно.

– Согласен, – сказал Егор и впервые за время свидания посмотрел на него и Свету. – У нас в городе сделают так, как кому-то нужно. Слишком большую птицу подстрелили, прости, Светка, значит, это надо такой же большой птице. Меня все равно раздавят, поэтому неважно – есть адвокат или нет.

– Тогда ты ничего не теряешь, – улыбнулся Федор. – Давай все же попробуем вывернуться? Шанс есть, если, конечно, ты сможешь.

Егор подумал и согласился:

– Хорошо. Я заходил в парк сразу после того... как был на свадьбе. Там есть кафе под открытым небом – «Ивушка». Официантка должна меня помнить, я ей нахамил. Заказал сто пятьдесят водки. Она спросила: «Не много?» Я ее послал. Она меня тоже обложила, но выпивку принесла. Минут десять я посидел и пошел домой пешком. По дороге встретил Митю Шоркина, однокурсника, минут пять потрепались и разошлись. Домой не сразу пришел, курил во дворе на детской площадке. Не хотел маму огорчать, я ведь выпил. Во дворе никого не было, так что там меня никто не видел, все у телика торчат в это время или спать ложатся. Все.

– Угу... – задумчиво произнес Федор. – А сколько времени ты шел от парка до места встречи с Митей?

– Это легко проверить. Оттуда до площади Свободы минут сорок ходьбы, плюс-минус пять. А специально я время не засекал, не знал, что пригодится.

– Хорошо. А Митя... один был?

– Нет, с парнем, но я его не знаю, даже имя не помню.

– Что ж, кое-что есть.

Света готова была снова расплакаться, но теперь уже от радости, понимая, что Егору ничего не грозит. Все будет доказано, это так просто! Егор выйдет из кошмарного места... А что будет потом? Загадывать не стоит, потом будет потом. Но все обойдется. Она даже представила встречу за стенами мрачного СИЗО, как они с Егором уйдут вместе, их будет ждать тетя Лена, которой Света названивает... Стоп, а Марат? Ну, с ним все ясно, Света достаточно его изучила, он человек, не лишенный благородства, возражать не станет, если Света уйдет к Егору. Дело не в Марате, а в его отце, эту дурацкую свадьбу он затеял. Ну, ничего, Света надеется на Марата, он договорится с отцом. В конце концов, она своему так называемому мужу тоже до фонаря, это очевидно. Все будет хорошо... Жаль, папы нет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.